Олег Носков

СКАЗОЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

О том, как от имени науки навязываются нелепые выдумки

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Не так давно мне попалась статья одного новосибирского ученого, посвятившего трогательному разбору философские изыскания Карла Поппера, где речь шла о научной состоятельности эволюционизма. Я говорю «трогательному» не случайно: автора статьи волновало то, что идеи уважаемого философа могли бросить тень на учение Дарвина. Однако в ходе своего исследования он, к своей радости, установил, что старина Поппер сам был дарвинистом и очень высоко оценивал потенциал эволюционной теории. У автора вырвался вздох облегчения. Дескать, я-то переживал, переживал: а вдруг такой авторитетный философ разуверит меня в величии Дарвина. Но нет, - выражал восторг наш ученый - какое счастье, что этого не случилось, что сомнения развеялись! В итоге автор так воодушевился, что закончил статью пафосным заявлением насчет того, будто он и впредь будет отстаивать правоту дарвинского учения «до последней капли крови».

Зададимся вопросом: что это за странная теория, требующая такой кровавой жертвы? И что это за странные ученые, готовые, хотя бы на словах, эту жертву принести? Конечно, красное словцо у нас в моде. Но смысл сказанного красноречив сам по себе, без всех этих жертвенных аллюзий. Ученый, видите ли, переживает оттого, что у него могут возникнуть сомнения в отношении научной (якобы) теории! И он радуется, что эти сомнения не возникли. Сказать, что перед нами образ ученого – слишком опрометчиво. Это не ученый, это - адепт. Именно АДЕПТ!

Хороша будет наука, отменившая критический подход. И хороша «научная теория», в которой неприлично и тягостно сомневаться.

А наука ли это? Вот в чем главный вопрос! Не будем вдаваться в нудные академические труды теоретиков. Непредвзято оценим лишь то, что нам вбивают в голову со школьной скамьи. Оценим захватывающие картинки так называемой «истории органического мира».

ЭВОЛЮЦИОНИСТЫ «ОБЪЯСНЯЮТ»

Меня могут одернуть. Эволюция, скажут, - это продуктивная научная идея, способная многое что объяснить, пролить свет на всякого рода тайны, ответить на волнующие вопросы. Не надо, мол, искать факты в пользу эволюции, давайте лучше с помощью эволюции факты объяснять. Что же, постановка вопроса вполне здравая. Некоторые западные философы именно так и рассуждают. В самом деле, Ньютон ведь тоже не доказывал причины гравитации. Однако кто усомниться в его научной компетентности и продуктивности его учения? Не так ли с эволюционной теорией? Если это и впрямь подлинно научная теория, пусть поможет нам кое-что объяснить.

Речь сейчас не идет о наукообразных сказках на тему: «Почему у жирафа длинная шея?» или «Откуда хобот у слона?». Об этом мы еще поговорим. Сейчас мы обратимся к фактам, именно фактам. Поговорим как раз о том, что должно находиться в компетенции эволюционистов, добрая часть которых – геологи, палеонтологи и биологи. Посмотрим, насколько убедительно, здраво и логично они объясняют то, что мы можем увидеть собственными глазами.

Как долго они вымирали?

Когда античные ученые находили в Альпах останки морских животных, они без малейших сомнений объясняли это последствиями всемирного потопа. В научных кругах на протяжении многих столетий мало кто сомневался в реальности глобального катаклизма, а потому найденные в горах кости рыб и раковины морских моллюсков не вызывали больших вопросов. О потопе, например, на полном серьезе писал такой великий авторитет античной учености, как Платон. Поэтому глупо относить идею всемирного потопа (как часто делают апологеты

«научной веры») к разряду библейских догм. Можно сказать, что предание о такой масштабной катастрофе является неким интернациональным достоянием.

Но в просвещенном XIX веке отношение к древним истинам стало радикально меняться. Эволюционисты предание о всемирном потопе не приняли. О мотивах говорить не будем. Чего там было больше – любви к истине или нелюбви к Священному Писанию, - есть вопрос философский. Как бы то ни было, в науках о Земле постепенно утвердилось негласное правило: все, что угодно, только не всемирный потоп! Считается, что сокрушительный удар по «библейскому мифу» нанес геолог-любитель Чарльз Лайель (друг Дарвина), построивший свою «прогрессивную» геологию на принципах униформизма.

С тех пор останки ископаемых стали получать принципиально иное объяснение, считающееся в кругах эволюционистов подлинно научным, подлинно «современным». И когда в XIX веке ученые обнаружили окаменевшие останки морских организмов в Гималаях, они уже были озадачены всерьез. Действительно, какая сила, если не всемирный потоп, могла занести в горы рыб и моллюсков? Но, как выяснилось, остроумию эволюционистов не было предела. Странный факт «объяснили» тем, что горные хребты в глубокой древности были морским дном. Иначе говоря, не вода заливала горы, а горы вырастали из воды (в течение, как мы понимаем, миллионов лет).

А вот теперь попробуем представить эту историю в деталях. Как мы понимаем, рыбы и моллюски должны были превратиться в ископаемых еще до того, как очутились на горных склонах. То есть, пока еще море не превратилось в сушу. Затем миллионы лет, вместо того, чтобы истлеть без следа, останки этих животных удивительным образом превращались в камень. И главное, непонятно, почему данный процесс не затронул тех существ, что жили позже, когда морское дно превратилось в мелководье, потом (надо полагать) в равнину и так дальше, по нарастающей. Или в процессе горообразования (не забудем – очень и очень медленного) вся прочая живность решила отсидеться в других местах. Куда подевались останки последующих обитателей? Впрочем, на горных склонах находят самых разнообразных ископаемых. Останков сухопутных животных бывает тоже не счесть. Правда, нередко они валяются вперемежку все с теми же рыбами и моллюсками. Может, они когда-то тоже обитали на дне морском?

Другой пример. В Северной Америке, во Флориде, в одной зоне, площадью в 650 кв. метров и глубиной в 5,5 м. палеонтологи нашли более миллиона (!) экземпляров ископаемых. Сухопутные, морские и речные животные лежали на этом пяточке вперемежку друг с другом. Останки акул, китов, ламантинов, аллигаторов, черепах, панцирных рыб, змей, грызунов, волков, енотов, слонов, тапиров, лам, лошадей, верблюдов были так плотно упакованы в этом захоронении, что половина слоя буквально состояла из костей. Какие выводы из увиденного сделали эволюционисты? По их мнению, девять миллионов лет назад уровень моря в этом месте (обратите внимание) был выше, а потому, грубо говоря, морские потоки хлестали по этому месту одновременно с речными. В итоге получилось такое вот нагромождение совершенно разных животных. И все это, отметим, якобы продолжалось не один миллион лет. Получается, что водные потоки вплоть до нашего времени неизменно попадали в одну и ту же точку, да так сильно, что буквально спрессовывали останки. В общем, катастрофы не было, уверяют нас. Все было буднично, обычно, «естественно». С одного конца случайно занесло акулу и кита, с другого – аллигатора и черепаху. Потом несчастный случай загнал сюда слона, верблюда и пару волков. Почему данное место, по площади равное небольшому административному зданию, в течение девяти миллионов лет, словно Бермудский треугольник, буквально «всасывало» в себя несчастных животных, не разъясняется. Задумываться о случайных совпадениях вообще не в характере эволюционистов. Главное, что море, дескать, было когда-то выше прежнего.

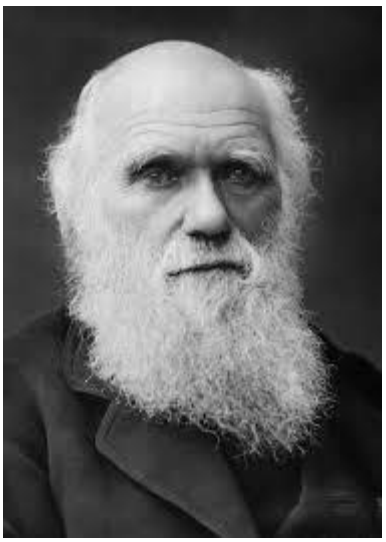
Вот вам исчерпывающие научные выводы. В одном случае морское дно превращают в горы, в другом, наоборот, приподнимают водную гладь. Хотя скопления животных останков, где бы они ни находились, относятся к одной категории фактов, их, как видим, объясняют разными, почти противоположными причинами.

Скопление останков трилобитов. Чем-то похоже на скопление дохлых тараканов после дезинсекции, не так ли? Простое здравомыслие всегда наводит на правильную причину. Подобные скопления членистоногих не могло произойти в силу естественных причин. Очевидно, что речь идет о последствиях катастрофы. Но у сказочников от науки своя логика…

Вообще, изобретать по поводу каждого случая особую причину для эволюционистов является нормой. Так обычно делали в средние века. Но, как видим, нынешние «прогрессивные» умы возродили этот подход, по недоразумению объявленный научным. Наглядный пример показал когда-то еще сам Дарвин. Он то из одной причины выводил противоположные следствия, то для одинаковых явлений изобретал по нескольку противоположных причин. Эту манеру усвоили его последователи, готовые изобрести любою нелепость, лишь бы не упоминать о глобальной и скоротечной катастрофе. Долгое время все объяснения залежей ископаемых делались специально в пику катастрофизму. Один советский геолог (разумеется, убежденный эволюционист) даже писал по этому поводу, будто катастрофизм «подрывает интерес к исследованию». После чего выдал свое видение ситуации. На его взгляд, катастрофа, растянутая на миллионы лет, теряет право «называться катастрофой». Многие животные, дескать, совсем не замечали разгула природных стихий, даже после падения астероидов (насчет астероидов и метеоритов эволюционистам, скрипя сердцем, иной раз приходится соглашаться).

Такое ловкое преодоление катастрофизма осуществляется исключительно благодаря безусловному приоритету умозрительных выкладок перед фактами. Последние самым извращенным образом истолковываются с позиции заранее выбранных отвлеченных представлений об «эволюционном развитии» органической жизни. Получается полнейший абсурд. Там, где обнаруживаются скопления ископаемых останков, эволюционист видит «появление» того или иного животного в пресловутой геологической летописи. Если в последующих слоях его останков не обнаружилось, то палеонтологи констатируют «вымирание». Как, например, в случае с динозаврами. Груды окаменевших костей принимают за свидетельство их «господства и расцвета». Кости закончились – началось «вымирание». То же касается трилобитов, звероящеров, мамонтов, саблезубых тигров, пещерных медведей и прочих тварей, чьи останки встречаются в огромных количествах. Скопление останков крупных млекопитающих дружно объявили «вспышкой жизни» в кайнозое. После чего, разумеется, стали рассуждать о причинах этого небывалого «расцвета» давних «конкурентов» динозавров.

Чарльз Дарвин – отец-основатель «эволюционной теории», великий пророк и идол эволюционизма. Как он вспоминал о себе: «В детстве я нередко сочинял заведомый вздор и притом всегда только для того, чтобы вызвать удивление окружающих…». Этот талант сочинителя «заведомого вздора» помог ему войти в пантеон выдающихся ученых благодаря многочисленной пастве, готовой фанатично верить в сочиненные им наукообразные сказки. И надо отдать им должное – они преумножили собрание сочинений сказочно-научной литературы, идя по пути своего кумира и следуя его методам.

Безусловно, любой здравомыслящий человек понимает, что скопления костей свидетельствуют ни о чем ином, как о внезапной массовой гибели. Именно гибели, именно массовой и именно внезапной. Но, по утверждению отечественных специалистов, потрудившихся на ниве пропаганды эволюционизма, как там ни крути, мгновенной коллективной кончины никак не получится. Почему? Потому что так утверждает любимая теория. Как мы помним, процессы «вымирания» якобы занимают миллионы лет (или хотя бы тысячи). Так диктуют «законы» эволюции. Всякие там трагические ситуации (даже в случае падения астероидов) не в счет. Любая массовая гибель отдается на волю несчастного случая. Ссылки эволюционистов на случайность – их излюбленное дежурное объяснение.

Возьмем хотя бы останки крупных травоядных, которыми переполнены устья сибирских рек, а некоторые северные острова сплошь покрыты костями мамонтов. Факты эти известны чуть ли не каждому школьнику. Что по этому поводу думают наши «прогрессивные» ученые? Традиционно пытаются всё свалить на несчастный случай. Мол, стадо мамонтов забрело на болото и провалилось. Еще одна катастрофа, растянутая во времени. Выходит, что мамонты волна за волной шли в проклятые гиблые места, чтобы нечаянно там погибнуть, взгромоздившись на останки своих предшественников. И так продолжалось тысячи лет. Некоторые из них, к тому же, умудрялись целиком замерзнуть, не успев переварить пищу.

В популярных книжках случай с березовским мамонтом, доставшимся ученым вместе со шкурой и внутренностями, объясняется следующим образом. Когда-то давно этот гигант во время «исключительно теплой» весны свалился с обрыва в топкое русло речки Березовки и так там и застрял. Потом пришла суровая зима, и топь промерзла до самого дна вместе с мамонтом. Вот и всё. Такая простая история. За тысячи лет, уверяют нас, подобных случаев могло произойти великое множество, без всяких глобальных катастроф.

Во что мы здесь должны поверить? В то, что туша мамонта пролежала с весны до зимы в речном иле, так и не подвергнувшись разложению. Что наступившая зима, судя по всему, продолжалась потом целые тысячелетия. Так что «исключительно теплая» весна, послужившая причиной несчастного случая, стала в тех краях последней весной вообще. Такие мысли невольно напрашиваются по ходу представленного «научного» объяснения. А если объяснять по-другому? Тогда получится катастрофизм, то есть та самая нехорошая теория, что у прогрессивных геологов подрывает интерес к исследованию. Действительно, куда интереснее изобретать пусть нелепые, но все же оригинальные и остроумные гипотезы,

нежели возвращаться к старым истинам. Если о катастрофах говорили в прошлом, то какой «прогрессивный» ум будет их признавать?

Что случилось с этим несчастным мамонтенком? Он умер от старости? Совершенно очевидно, что здесь нет и намека на так называемые «естественные причины». Всё произошло внезапно и непредсказуемо.

Не желая ссылаться на природную стихию, эволюционисты не прочь приписать первобытному человеку способность совершать стихийные бедствия, вполне сопоставимые с последствиями глобальной катастрофы. Некоторые договорились до того, что массовую гибель копытных (и даже мамонтов) связали с деятельностью охотников каменного века. Человек де загонял целые стада лошадей и прочей крупной живности к краю обрыва, откуда несчастные животные срывались в реки или разбивались о камни. Вот вам и груда костей как свидетельство дикого безрассудства первого человека. Не понятно только, хотели ли наши предки, мучимые голодом, разом съесть все стадо или охотились исключительно ради дикой забавы. Сейчас об этом спросить некого. Если же следовать логике эволюционистов, то в ту ненормальную эпоху безумствовал не только человек, но и животные вели себя настолько странно, что только и искали повода, чтобы помереть от несчастного случая или каким-то образом испортить себе жизнь. В книжках по эволюции таких душещипательных историй написано немало.

Какая муха их укусила?

Все дороги ведут в «Берингию» – такой вывод можно сделать, читая о так называемом ледниковом периоде. Речь идет о гипотетическом Беринговом перешейке, который якобы образовался в этот самый ледниковый период из-за отступления вод мирового океана (когда масса воды сконцентрировалась в виде гигантских ледников). Как нас уверяют, таких периодов было несколько – ледник то таял, то опять наступал. И вот когда морское дно между нынешней Чукоткой и Аляской обнажалось, по нему, как по «естественному мосту», животные и древние люди якобы перебегали в Западное полушарие. Эту историю мы слышали со школьной скамьи, и многие из нас продолжают в нее верить как в точно установленный факт.

Пути живых существ неисповедимы. Какая сила их гоняла с одного континента на другой, неизвестно. Тем не менее, иммиграция в Америку, как следует из общепринятой истории органического мира, началась задолго до Колумба. Согласно принятой в науке геологической летописи, еще до появления человека туда двинулись предки современных слонов – прямиком из Северной Африки. Туда же, в Америку, двинулись мамонты, а за ними осваивать новые земли отправились древние охотники. Чего искали в далеком краю мохнатые гиганты, обычно не обсуждается. Наличие перемычки между Америкой и Евразией уже считается достаточным основанием для таких длительных путешествий. Вояжи двуногих охотников еще объяснить можно – как-никак, двигались вслед за излюбленной добычей. Человеку вообще свойственно пускаться на всякие авантюрные и рискованные предприятия. А вот какая

нелегкая вынудила мамонтов отправиться в царство снега и льда – вместо того, чтобы искать пропитание в теплых краях, - этого страстью к приключениям не объяснишь.

Романтические истории про мамонтов, огромными стадами блуждавших по заснеженной тундре, могли зародиться только в сознании эволюционистов. Как уже говорилось, огромные скопления ископаемых они рассматривают в качестве свидетельства «господства и процветания». Поскольку наибольшие залежи мамонтовых костей находят в вечной мерзлоте, то отсюда делается вывод, что именно тундра была излюбленным приютом этих гигантов, где они тысячи лет «процветали».

Так рассуждают эволюционисты. Тогда как простой здравый смысл говорит об обратном, ибо очевидно, что холодная тундра стала для мамонтов огромной братской могилой. Факты свидетельствуют, что в вечной мерзлоте мамонты были погребены, причем многие из них были погребены заживо. Пример с березовским мамонтом мы уже приводили. Хорошее пристанище, ничего не скажешь! Если бы не извращенная логика эволюционистов, для которых массовая (и мгновенная) гибель животных есть не более чем череда обыкновенных несчастных случаев, наши представления о пресловутом ледниковом периоде получили бы более реалистичные черты.

В самом деле, если принять за истину эволюционистские выкладки о жизни (не говоря уже о «процветании») мамонтов в ледниковый период, то получится следующая картина. «Приспособленные» к жизни в суровых условиях мамонты стадами перемещались в сторону Америки, по пути «случайно» замерзая заживо и проваливаясь целыми стадами в топи и трясины, устилая костями устья рек и целые острова. Придя на новую родину, они точно так же продолжали усеивать землю обетованную своими трупами (в том числе свежезамороженными). Такая вот впечатляющая миграция. Иначе как погоней за смертью не назовешь. И после всего этого наши прогрессивные ученые разводят руками и заявляют, что на исходе последнего оледенения мамонты «неожиданно вымерли». Вот так: пока гибли в массовом порядке – «процветали», а потом, когда стужа пошла на убыль – «вымерли».

Скопление костей мамонтов на территории Сибири. Стоит ли сомневаться в том, что перед нами – свидетельство массовой гибели? И надо ли вменяемому человеку городить здесь огород из нелепых «объяснений»? Нужно обладать поистине больным воображением, чтобы увидеть в этих останках «факт процветания».

Кстати, не только мамонты в поисках лучшей доли (или в поисках смерти – тут пока непонятно) бегали с континента на континент. Как уверяют эволюционисты, предки лошадей двигались по тому же пути, что и мамонты, только в обратном направлении – из Америки в Евразию. В Америке они долгое время «процветали», но потом, как и мамонты, в конце ледникового периода они «внезапно и непонятно почему вымерли». Есть гипотеза, что их извела какая-то древняя американская муха цеце. Кто, в свою очередь, извел эту муху, опять остается загадкой, поскольку с приходом в Америку европейцев лошади там до сих пор живут и ни от каких смертоносных мух не погибают. Тем не менее, какая-то муха этих древних американских лошадей должна была укусить, иначе становится непонятным, за каким счастьем они двинулись через известный перешеек, навстречу снегам и льдам.

Если всерьез принимать эволюционистские рассуждения, то животные ледникового периода обладали каким-то роковым невезением. На каждом шагу им угрожали несчастные случаи, кругом их подстерегали ловушки, устроенные безжалостной природой. Например, есть в Америке знаменитое гиблое место – асфальтовые шурфы Ла Бреа в штате Калифорния. Оттуда было извлечено более миллиона (!) хорошо сохранившихся окаменелостей. В основном это были останки крупных млекопитающих – медведей, гигантских волков, саблезубых тигров, гигантских ленивцев, бизонов, лошадей, верблюдов. Там же были большие скопища разных птиц, включая водоплавающих. А также - скелет человека, похожего на современного индейца. Что говорят прогрессивные ученые об этой братской могиле? Животные де сдуру сами бросались в эту вязкую массу, принимая асфальтовую поверхность за гладь водоема. Вопли, которые они издавали, привлекали их собратьев, разделявших с ними ту же участь. По той же причине, надо полагать, в асфальтовой жиже оказался и первобытный индеец, а прямо на него спикировал пернатый хищник, ныне вымерший. Я так и вижу эту впечатляющую трагическую сцену. Древний гигантский волк подходит к краю ловушки, принюхивается и, не учуяв резкого нефтяного запаха, бросается (непонятно зачем, но бросается) в эту лужу навстречу своей смерти. Вслед за ним туда прыгают его товарищи. Потом сюда на водопой приходит табун лошадей. Глотнув жидкого асфальта, лошади решают покончить с собой. Их примеру следуют верблюды и бизоны. Затем сюда приходит сердобольный индеец и, пытаясь вызволить несчастных животных, сам оказывается в западне. Ну а дальше на индейца падает хищная птица.

Трагические сцены разыгрывались не только в Америке. В пещерах древней Европы нашли свою смерть тысячи огромных медведей. О том свидетельствуют груды костей, разбросанных по подземельям. Вместе с медведями гибли волки, лисы, гиены. Опять же вопрос: какая нелегкая занесла их в пещеры? Прогрессивные ученые с ответом не тянут: животные де спасались в пещерах от холода, который приходил вместе с начавшимся оледенением. Что ж, очень удачно они «спаслись». Спаслись так, что все там и погибли, причем, при драматических обстоятельствах. Если принять во внимание факты, медведи как сумасшедшие блуждали по темным лабиринтам, переплывали пещерные озера, отчаянно карабкались по крутым склонам, в надежде, как ни странно, найти выход наружу. Там, в этих лабиринтах, они и сгинули.

Так изображают пещерного медведя. Собственно, а почему он «пещерный»? Потому, что в пещерах найдены его останки? И вот уже внушается мысль, будто он в пещерах ЖИЛ. Тогда как факты говорят о том, что там он нашел свою СМЕРТЬ.

Согласно версии, предложенной эволюционистами, получается следующее. Звери, почуяв холод, не стали мигрировать в теплые края, где могли бы найти пропитание. Они, как безумные, толпами устремились в пещеры. Там, в сырых и темных подземельях, они продолжают паническую беготню, зарабатывают себе рахит и артрит (из-за голода и плохих условий). Наконец, все как один умирают (возможно, не без мучений). Спрашивается, чего выиграли от пещерной жизни эти «представители» ледникового периода? И вообще, зачем

нужно было лезть в пещеру, чтобы потом с таким упорством искать выход наружу? Странные какие-то медведи (или же странные ученые, которые не могут как следует растолковать столь необычную «медвежью» болезнь).

Аналогичные случаи были и в Австралии. В известняковых пещерах Наракурта в самом отдаленном уголке были обнаружены бренные останки древних сумчатых, обильно устилавшие глиняную подстилку. Взору ученых предстали окаменевшие лопатки, зубы, черепа, кости конечностей самых разных животных, включая ранее неизвестные виды. Одни останки принадлежали огромному зверю, видом и размерами подобного носорогу, другие принадлежали гигантскому кенгуру с длинной шеей. Там же обнаружили кости странного существа с огромными клыками, названного сумчатым львом. В принципе, картина была до боли знакомой. Правда, на этот раз появление братской могилы попытались объяснить не холодом, а наоборот – засухой и жарой. Австралийский континент, мол, постепенно двигался на север, а потому несчастные животные в поисках прохлады устремились в подземные лабиринты. Что ж, еще одна остроумная версия. Зато никакого катастрофизма.

Имеет ли размер значение?

Тот, кто интересовался палеонтологией, не мог не обратить внимания на то, что в древности отдельные виды животных по нынешним меркам были непривычно велики. Палеонтологи тоже не скрывают своего изумления, как и своей неспособности дать приемлемые объяснения для столь странного феномена. Действительно, чем объяснить такой характерный для «доисторических» эпох гигантизм?

Честно говоря, вразумительных объяснений в современных книжках об эволюции я пока не обнаружил. Есть отдельные версии, в серьезности которых не уверены даже сами их авторы. Одну такую версию – по поводу динозавров – я нашел у Дэвида Эттенборро. Дэвид Эттенборро – известный английский зоолог, страстный и увлеченный популяризатор эволюционизма. У нас в стране его хорошо знают по красочным документальным фильмам об эволюции. В общем, личность авторитетная. Рассуждая о динозаврах в одной из своих книг, он задается вопросом: «Почему некоторые из них достигли таких огромных размеров?» [Эттенборро, с. 88]. И предлагает две основные причины. Согласно Дэвиду Эттенборро, исполинские динозавры питались слишком жесткой пищей – папоротниками и саговниками, состоящими «из жестких волокон и прожилок». Из-за несовершенства зубов «полное размельчение пищи должно было происходить у ящеров в кишечнике». Как полагает уважаемый зоолог, «процесс пищеварения был у них длительным». Отсюда делается вывод, что «кишечник травоядного ящера должен был служить своего рода гигантской бочкой для хранения пищи на все время, пока шел медленный процесс ферментации». А для такого гигантского брюха, логически заключает автор, требовалось и гигантское туловище. Что касается гигантских хищников, то их гигантские размеры (как, например, у тираннозавра) были вызваны необходимостью «охотиться на травоядных великанов».

Наконец, вторая причина. Она, как считает Дэвид Эттенборро, имеет прямое отношение к проблеме сохранения тепла. Хладнокровному животному, дескать, выгоднее иметь крупное тело, поскольку так оно будет меньше зависеть от кратковременных перепадов температур. «Поскольку растительная пища, - подытоживает наш автор, - крайне бедна питательными веществами, травоядным приходилось поедать ее в больших количествах и кормиться почти непрерывно, от зари до зари, так что нечувствительность к малым температурным изменениям в течение суток была им очень кстати».

Огромный размер давал гигантским динозаврам «преимущества», утверждают эволюционисты. Правда, динозавры бесследно вымерли… Здесь эволюционист разводит руками: «Эволюция…».

Короче говоря, гигантские динозавры якобы убивали сразу двух зайцев – и с неудобоваримой пищей справлялись, и активность поддерживали на должном уровне. Всё воде бы убедительно. На первый взгляд. На самом деле – полнейший абсурд и обычное для эволюционистов извращение логики.

Начнем хотя бы с того, что (по единодушному мнению палеонтологов) в пресловутом мезозое существовали динозавры самых разных размеров – от гигантов до откровенной мелочи. Среди птерозавров были твари величиной не больше воробья. Среди двуногих ящеров некоторые были размером с кошку. И таких небольших существ, в чем согласны все эволюционисты, было великое множество. И все они «процветали» в мезозое наряду с гигантами. А потом вместе с гигантами так же трагически «вымерли». Где же, спрашивается, преимущества размера? Очень заманчиво, конечно, привлечь на свою сторону физику и биохимию, но в этих науках к противоречиям относятся слишком серьезно.

Далее, эволюционист Эттенборро как будто не учитывает, что большое тело само по себе требует соответствующего количества пищи. Тут мы сталкиваемся с характерным трюком, что был в ходу еще у Дарвина, когда тот рассуждал о «наиболее приспособленных». Этот трюк называется порочным кругом в доказательстве. Дэвид Эттенборро, похоже, традиции не изменяет. Рассуждение выстраивается таким образом: динозавры были большими, потому что должны были много есть, а ели много потому, что были большими. В том же духе о гигантских хищниках: они стали большими, чтобы охотиться на исполинов, а на исполинов стали охотиться потому, что стали большими. В общем, интеллектуальная преемственность налицо.

Ну а самое главное, предложенные известным эволюционистом «аргументы» в пользу гигантизма древних ящеров опять же грешат своей избирательностью. А как же, спросим мы, было в случае с прочими гигантами? В какую «эпоху» ни заглянем – кругом гигантизм. В так называемом карбоне существовали огромные стрекозы с размахом крыльев в аршин. Бок о бок с ними жили гигантские многоножки, тараканы и пауки, на которых, возможно, охотились непомерно крупные хвостатые амфибии (до 3-х метров длины). В древних морях обитали гигантские акулы, в небе летали огромные хищные птицы с семиметровым размахом крыльев. По суше, кроме динозавров, когда-то бродили исполинские травоядные звериного племени: гигантские олени, мастодонты, гигантские носороги и даже гигантские нелетающие птицы – эпиорнисы и моа. Даже наутилусы, как уверяют, палеонтологи, были в те древние времена не чета нынешним.

Конечно, можно на сей счет привести глубокомысленную сентенцию вроде того, что быть большому намного выгоднее, чем маленькому. Однако, вопреки таким рассуждениям, природа все-таки наложила ограничения на размер. По крайней мере, стрекозы с полуметровыми крыльями теперь не только не встречаются, но и не могут появиться в принципе (как это явствует из внутреннего строения насекомых и физических условий среды).

Что же тогда получается? Изменилась сила тяжести нашей планеты или в ее атмосфере стало что-то совсем не так? Самое интересное, что для объяснения таких феноменов эволюционистам вовсе необязательно вникать в физические законы. В их учении сама эволюция, словно Дух Святой, дышит, где хочет – в одном месте поднимает, в другом убивает. И пути ее так же неисповедимы, как пути Господни. В этом нетрудно убедиться, если подробно рассмотреть созданные ими анналы природы, которыми переполнены школьные учебники и популярные книжки о прошлом Земли.

ЭВОЛЮЦИЯ ПУТАЕТ СЛЕДЫ

Как заявил в своем публичном споре с креационистами популярный американский писатель-фантаст Айзек Азимов (биохимик по профессии и эволюционист по убеждениям) - главная задача эволюционной доктрины заключается в том, чтобы установить «невидимые нити», что связывают современные виды с их далекими «предками». В этом он глубоко прав. Единственное поприще, на котором себя беззаветно реализуют ученые-эволюционисты, связано с составлением воображаемой родословной всех земных существ, именуемой «древом жизни». Я говорю «воображаемой», хотя, насколько могу судить, у последователей Дарвина между воображаемыми и реальными вещами граница стирается. А заложенную им традицию, в чем мы неоднократно убеждались, его последователи чтят свято. Поэтому «невидимые нити», о которых вещает американский писатель, в эволюционистских анналах с легкостью превращаются в «факты эволюции». Это как раз те «факты», что дают нашим летописцам природы повод пуститься в научные (как им самим кажется) объяснения. Посмотрим, что нам сумели «объяснить» на этот раз.

Такая избирательная смерть, или баллада о торжествующих крокодилах

Кто из нас, включая школьников, не читал о том, что где-то там 65 миллионов лет назад вымерли все динозавры? Об этом написано в каждом эволюционистском талмуде. Динозавры де миллионы лет «процветали», а потом неожиданно «вымерли», уступив место своим природным «конкурентам» из числа млекопитающих. Как мы уже видели, динозавры – не единственные, кто так вот неожиданно, в массовом порядке покидал этот мир. Мамонты, по

признанию самих эволюционистов, тоже неожиданно «исчезли». Однако с динозаврами ситуация представляется более интригующей. Гибель мамонтов можно хоть как-то связать с кровожадностью палеолитических охотников. А вот динозавры, как это следует из пресловутой геологической летописи, до человека не дожили. И вот сотни последователей Дарвина с умным видом пускаются в размышления: отчего это «прекрасно приспособленные» к жизни ящеры так таинственно сгинули? Тут и начинаются всякие объяснения, гипотезы – наподобие того, что мы уже рассматривали выше. Приводить их нет смысла, поскольку проблема в другом.

Не важно сейчас, какая нелегкая извела ужасных ящеров. Важно то, что сия напасть не коснулась тех, кто в свое время жил бок о бок с динозаврами, ничуть не превосходил их по уровню своего эволюционного развития и в то же время дожил до наших дней без малейшего ущерба. Возьмем крокодилов. Как нас уверяют летописцы живой природы, крокодилы – ровесники динозавров и их ближайшие родственники. А потому, рассуждая и гибели динозавров, не мешало бы одновременно поразмышлять о счастливой судьбе их зубастых сородичей.

Крокодилы – практически ровесники динозавров. Живут и процветают. Почему? Потому что…. «эволюция»! Неисповедимы пути её…

Итак, поставим вопрос с другого, так сказать, конца: почему крокодилы не разделили участи динозавров? Вопрос может показаться наивным, но он навеян здравой логикой. Ведь все то, что эволюционисты придумывают в отношении ужасных ящеров, выстраивая гипотезы об их «таинственном» исчезновении, можно одинаково применить и к крокодилам. Падение метеорита, похолодание, растительные яды и всякие кары небесные, что якобы обрушились на динозавров, странным образом обошли крокодилов. Я уж, конечно, не говорю о том, что ссылаться на катастрофы есть вообще прегрешение против дарвинизма. По Дарвину, динозавров должны были задавить их более продвинутые потомки. Правда, учитывая склонность самого Дарвина придумывать (в обход собственной же теории) для одного явления сразу десяток причин, ссылка на природный катаклизм - не такая уж серьезная ересь. Тем более, если ничего более вразумительного в голову не приходит, можно вспомнить и о метеоритах.

Впрочем, и здесь есть свои ортодоксы, не желающие добавлять к «естественному» эволюционному процессу какие-либо дополнительные факторы. Из их логики следует, что динозавры, представляя собой «архаичную» форму жизни, закономерно уступили место более продвинутым млекопитающим. В общем, динозавров приговорила сама эволюция. Дескать, туповатые ящеры, с их ограниченными мозгами, с их замедленной реакцией, сдались под натиском более прогрессивных форм. Не выдержали конкуренции. Короче говоря, все прямо по Дарвину – «отсталые» под корень истребляются теми, кто превзошел их в развитии.

Как следует из геологической летописи, первые маленькие зверушки стали досаждать ящерам еще во времена господства последних. Об этих зверьках знают по палеонтологическим останкам. Стало быть, зверушки тоже «вымирали». Однако, учитывая то

обстоятельство, что в следующую эпоху началось «процветание» их зрелых и представительных «потомков», делается вывод, что маленькие зверушки успешно сдали экзамен на выживание. Все вроде бы и впрямь логично, да только и здесь возникает все тот же наивный вопрос: а как же с крокодилами? Они что, не входят в число тех самых «архаичных» форм, коим по законам эволюционного развития надлежало столь же бесследно исчезнуть с лица земли?

Все получилось совсем не так. Крокодилы по сей день благоденствуют в пресных водоемах всех тропических широт. По всему свету, на всех континентах (кроме Антарктиды, разумеется). И самое примечательное, нисколько не страдая от конкуренции со стороны «прогрессивных» млекопитающих. Нередко «прогрессивные» формы даже попадают им на закуску. В африканских водоемах крокодилы живут рядом с бегемотами, ничуть не мешая друг другу. Днем крокодилы обычно выползают на берег, ночью же возвращаются в водоемы для охоты. Бегемоты наоборот: весь день бултыхаются в воде, а по ночам пасутся на берегу. Вот такое вполне мирное сосуществование, которому, похоже, законы эволюции не писаны.

Да только ли крокодилы! Эволюция, по непонятным причинам, пощадила таких невероятно «архаичных» существ, как акулы. То, что акулы вовсю хозяйничают в современных тропических морях, известно каждому. И хозяйничают, несмотря на то, что параллельно те же моря бороздят «продвинутые» киты и дельфины. Вроде бы, по всем законам эволюционного развития головастые, умные дельфины должны давно уже довести тупых акул до того состояния, в котором оказались в конечном итоге динозавры. Тем более что конкуренция между ними существует вполне реальная, поскольку дельфины, как и акулы, питаются рыбой. Иногда даже отмечались кровавые схватки между теми и другими. Вроде бы, вот тут-то эволюция и должна вынести свой неумолимый вердикт, отдав дельфинам море в полное господство. Как-никак, не на то ли направлен генеральный процесс эволюционного развития? Однако с акулами ничего подобного не получилось – до сих пор живы и здоровы, до сих пор процветают.

Я вполне допускаю какую-нибудь очередную эволюционистскую казуистику, с помощью которой поклонники Дарвина пытаются объяснять все странные разветвления своего вымышленного «древа жизни». Что это за «объяснения», уже не столь важно. Важен, так сказать, сам метод. Судя по этому методу, эволюция ведет себя как капризная барышня, одних обрекая на исчезновение за «отсталость», другим за то же самое давая право на жизнь и процветание. Поистине, нужно обладать очень специфическим мышлением, чтобы во всей этой мешанине увидеть хоть какой-либо порядок. Похоже, поклонники Дарвина весьма своеобразно понимают то, что они называют «естественным законом». Создается впечатление, что понимание всех хитросплетений эволюционного процесса доступно либо особо одаренным, либо особо посвященным.

Пример с динозаврами и крокодилами - не единственный в этом ряду. Просто он наиболее впечатляющий. Если непредвзято посмотреть на геологическую летопись, то она вся сплошь состоит из загадок. Почему, например, в преддверии мезозоя исчезли так называемые звероящеры? По данным современной палеонтологии, эти существа по уровню организации могли дать сто очков вперед и динозаврам, и крокодилам. Ан нет – все поголовно «вымерли», уступив территории более «отсталым» ящерам. Странная получается картина. Когда динозавры освобождают площадку для «продвинутых» млекопитающих, здесь еще можно сослаться на неумолимые (якобы) законы эволюции. Процесс тут, вроде бы, идет в правильном, «прогрессивном» направлении. А что сказать по поводу процветания динозавров, пришедших на смену более «прогрессивным» звероящерам? Как умудрились туповатые мезозойские рептилии обойти существ, стоявших в своем эволюционном развитии явно на ступеньку выше (по меркам самих же эволюционистов)?

В популярных книжках по этому поводу пишут, будто к концу палеозоя наступила сильная засуха, губительная для влаголюбивых звероящеров. Не успев приспособиться, эти существа канули в лету, оставив место для динозавров, более годных для сухого климата. Такая вот простая история – взяли и вымерли.

Исчезновение динозавров считается «большой загадкой» истории животного мира. Они то ли «вымерли», то ли «погибли»… Не в силах найти «естественную причину», эволюционисты готовы обратиться к Силам небесным…

Сейчас мы не будем выяснять, насколько динозаврам была по душе засуха. Даже не будем останавливаться на том, что похожие на древних звероящеров утконосы и ехидны сохранились только в Австралии – континенте, на добрых две трети состоящем из пустынь. Не будем вдаваться, сколько в мезозое осталось пригодных для жизни водоемов. Вспомним еще раз (да простит мне читатель) о крокодилах. Если мы не ошибаемся, крокодилы к сухопутным животным не относятся. Появились они (согласно все той же геологической летописи) аккурат в мезозойскую эпоху. Это когда якобы благодаря сухому климату началось раздолье для динозавров. Какая нелегкая породила еще и влаголюбивых крокодилов, опять остается загадкой. После таких научных зарисовок впору задуматься над тем, где больше бардака – в природе или в головах эволюционистов. Динозавры у них, словно африканские антилопы, стадами разгуливают по жарким саваннам, и нет, представьте себе, ни одного водоема, где могли бы спокойно существовать звероящеры. А вот для крокодилов место нашлось, даже несмотря на их сравнительную «отсталость». Интересная вещь: с бегемотами крокодилы ужились, а вот звероящерам не повезло. Какая-то странная конкуренция получилась.

А ведь по канонам дарвинизма именно звероящеры – как существа эволюционно более продвинутые – должны были дать фору водным рептилиям. Не получилось. Почему? Звероящеры, говорят отдельные продвинутые эволюционисты, не отработали систему терморегулирования: сохранять тепло научились, а вот отдавать часть тепла в условиях знойного климата так и не смогли. Потому и сгинули. Что ж, на покойников всё можно списать. Только вот австралийские утконосы живут, и ни полуденный зной, ни крокодилы им не помеха. Не так ли? Впрочем, предвижу «научное» возражение: утконосы, дескать, потому и живут, поскольку сумели выработать необходимые приспособления, а звероящеры не сумели. Ну что тут сказать? Знакомая дарвинская логика: они сумели выжить, потому что научились выживать.

С помощью этой логики выстроено все эволюционное «древо жизни». В «передовой» науке над объяснениями долго голову не ломают. Здесь животных наделяют такими творческими способностями, что никакие законы природы не становятся для них помехой в следовании строго заданному образцу. На любой вопрос вам предъявят непоколебимый аргумент: животное де стало таким, потому что оно так развивалось. Я уже говорил, что эволюция, словно Дух Святой, дышит, где хочет. Это есть сокровенная составляющая эволюционного учения. Какие уж тут неумолимые законы! Жизнь в своем творческом порыве проявляет такую свободу, что Ньютону и не снилось. За примерами долго ходить не придется. Они буквально на каждом шагу.

Магия умных слов, или неведомая сила эволюционной диалектики

Однажды Жорж Кювье, не веривший, как мы знаем, ни в какую эволюцию, предложил одному эволюционисту предъявить переходные формы лошадиных предков. Случился

конфуз, поскольку таковых свидетельств обнаружено не было. Но время шло, прогресс неумолимо напирал на реакционеров и прочих мракобесов. Геологическая летопись, на радость поклонникам Дарвина, явила миру необходимые кости. В конце концов, нашелся передовой ученый, что ответил на вызов саркастичного наполеоновского барона. Мир (включая учащихся средних школ) узнал-таки о лошадиных «предках». Страницы школьных учебников и популярные книжки запестрели картинками с изображением долгожданных переходных ступеней, через которые проходили этапы большого пути от невзрачного четырехпалого животного к современным скакунам.

Это невзрачное животное эволюционисты прозвали эогиппусом (то бишь «лошадь зари»). Если правильно осмыслить предложенную эволюционную эпопею, то лошадиная заря предвещала неожиданный парадокс, чью природу дано понять исключительно «передовым» умам. Проще говоря, эогиппус был назначен на почетную роль лошадиных предков как раз за то, что он очень мало походил на лошадь. Точнее, совсем не походил. Имел небольшие размеры, выгнутый позвоночник, как у грызуна, лапы, пригодные к лазанью по деревьям. Да и жил он, как утверждают сами эволюционисты, в лесах, что для лошади вообще не подходит. По большому счету, эогиппус мог бы стать прародителем хоть носорога, хоть верблюда. Но благодаря какой-то неведомой силе дал начало лошадям.

Почему мышь за всю историю так и осталась маленькой, не следуя тем путем, которым шли «предки» лошади, из поколения в поколение увеличиваясь в размерах? Собственно, чего тут думать – такова «эволюция». Одно слово - а сколько «мудрых ответов» оно содержит!

Именно «неведомой». В популярных книжках этот удивительный процесс описан так: «…эогиппус рос (при этом у него с опережением вытягивалась, становилась все более лошадиная морда), как будто наперед знал, что ему предстоит стать лошадью!» [Гангнус, с. 243]. Как здорово: будто по команде, четырехпалый зверек начал расти, морда вытягивалась, спина выпрямлялась, количество пальцев уменьшалось. Но… носорогом не стал. Рог не вырос. Почему? А потому что неведомая сила хотела сотворить из него лошадь, а не носорога. Вот и ответ. На языке философского идеализма такая сила называется Провидением. Но эволюционисты – как истинные дети Просвещения – предпочитают научную терминологию. У них неведомую силу стали называть «преадаптацией». Это одно из тех волшебных слов, что вызывает трепет и восхищение у неискушенных умов. Сказал: «преадаптация», - и твоя научная репутация вне подозрений. И никакого мракобесия и всяких там религиозных пережитков.

Говоря по-простому, каждая животная тварь имеет свою особую судьбу. Коль суждено стать слоном, то начнет расти хобот, суждено стать жирафом – вырастет шея, суждено стать оленем – вырастут рога. Эту судьбу ни в какие математически рамки не загонишь. Здесь вступает в силу фундаментальный, многократно озвученный принцип эволюционной биологии: животное стало таким потому, что оно таким… стало! Птицы стали летать, потому что «выработали приспособления» к полету. Дельфины очутились в воде потому, что приспособились к водному образу жизни. У слона появился хобот, потому что таким путем шло его «приспособление». В общем, так оно получилось. Правда, определяющая судьбу таинственная добрая фея, что щедро раздаривает животным все эти «полезные приспособления», постоянно остается за кадром. Ее намерения, как правило, не обсуждаются. В центре внимания – только ее благие деяния, скрывающиеся за такими мудреными словами, как «преадаптация», «идиоадаптация», «полезная мутация», «ароморфоз», «дивергенция». И

кто там разберет, почему одного судьба направила на лошадиную стезю, другому подарила хобот, а третьего снабдила крыльями?

В самом деле, жираф приспособился тем, что тянул шею вверх, антилопа – вниз. Выжили и те, и другие. Живут теперь рядом, в одной саванне, только голову держат по-разному. Одних зверей потащило в пустыню, других в море. Неплохо и тем, и другим. Змеи и ящерицы, говорят нам, произошли от одного предка. Ящерицы бегают на ногах (хотя есть и безногие), змеи ползают на брюхе. Выходит, иметь ноги – хорошо для выживания, не имеет вовсе – тоже неплохо. Такая вот запутанная история. Дивергенция называется.

Отверженные дети природы, или душещипательные истории о «тупиковых формах»

«Гигантский медведеподобный третичный тигр-саблезуб пал жертвой своего совершенства: совершенное хочет стать памятником самому себе, оно не способно быстро меняться» [Гангнус, с. 240]. Так написано в популярной книжке. Слышал бы Дарвин своих современных почитателей! Вряд ли он рассчитывал на такое остроумие. Пасть «жертвой своего совершенства» - это уже похоже на ересь. Если строго придерживаться теоретических выкладок самого Дарвина, саблезубый тигр должен был стать жертвой своих более совершенных потомков. Но, так видимо получилось, что в пресловутой геологической летописи у гигантского саблезуба таковых потомков не обнаружилось. И поскольку последователи «передового учения» за ответом в таких случаях долго в карман не лезут, решение нашлось очень быстро: тупиковая ветвь. Вот и ответ. Дескать, не в меру зубастый хищник приспособился настолько удачно, что совсем не хотел меняться. А когда травоядные, на которых он охотился, неожиданно «вымерли», ему ничего не оставалось делать, как отправиться на тот свет вслед за ними.

Не будем сейчас рассуждать, из-за какой напасти «вымерли» эти самые травоядные – от своего ли совершенства или от своего несовершенства? Как мы знаем, история массового исчезновения крупных травоядных относится к числу так называемых «загадочных» явлений. В отношении хищников у нынешних почитателей Дарвина серьезных вопросов не возникает. Читаем в той же книжке: «Пещерный медведь, живший в Европе и Азии на исходе третичного периода, был не чета нынешнему. Гигант держал в страхе все окрестные горы и леса. Никто и ничто не могло ему противостоять. Дичи сколько угодно. Недругов никаких. И поколение за поколением (палеонтологи проследили этот процесс в деталях) он стал деградировать, вырождаться, мельчать, пока не исчез полностью. Сам собой» [Гангнус, с. 284].

Запомнили: «Дичи сколько угодно». Такие вот похожие совершенные хищники, но какая разная смерть! Один вымирает от голода, другой – от пресыщения. Какое невиданное коварство природы! Мало дичи – помрешь, много дичи – все равно помрешь. Какие странные капризы устраивает эволюция: когда на тебя давят продвинутые конкуренты – плохо, когда конкурентов нет – тоже… плохо. Пещерный медведь, видите ли, был «не чета нынешнему». Тем не менее, бесследно «вымер». Его нынешний собрат оказался не столь продвинутым, и именно поэтому все еще живет. Вот такие странные эволюционные завихрения! Где же только пресловутое выживание «наиболее приспособленных», где, наконец, чудесный ароморфоз?

Исаак Ньютон – один из основоположников современного естествознания, четко придерживался правила, согласно которому одна причина не может порождать противоположные следствия. Соответственно, противоположные причины не могут вести к одинаковым результатам. Эволюционистам эти правила нипочем. Законы Природы они осмысливают не по Ньютону.

Если приведенные выше «научные» суждения применить к человеку, то окажется, что ему надлежит рано или поздно разделить участь пещерных медведей или саблезубых тигров. Действительно, достойных продвинутых конкурентов у человека нет, дичи (в смысле пищи) сколько угодно. Если с пищей будет туго, участь от этого тоже не изменится (вспомним саблезубого тигра). Главное – человек должен стать жертвой собственного совершенства. Кстати, признаки вырождения рода людского уже как будто налицо: наследственные болезни, ослабление иммунитета, хронические заболевания, дебильность, неврозы, губительные дурные привычки (вроде наркомании и алкоголизма) – все это должно найти какое-то объяснение в рамках эволюционизма. Как ни крути, со скрипом придется признать, что человек – не венец эволюции, а самая настоящая тупиковая ветвь. Крысам, похоже, повезло больше.

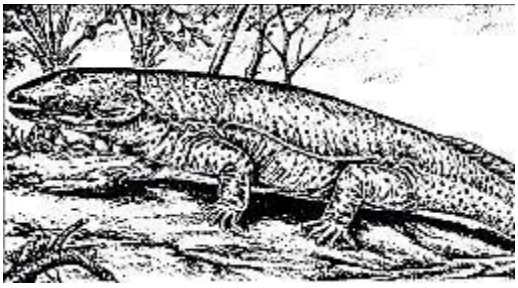
Вот такая получается ересь. Пример с пещерными медведями может натолкнуть на нехорошие пессимистические мысли. Дарвину они бы совсем не понравились. Но, как нас уверяют, прогресс идет, и научная мысль не стоит на месте. Теперь выясняется, что совершенство ничего не гарантирует. Получается интересная вещь: эволюционисты начали за здравие, а закончили за упокой. Имею в виду совершенствование. Куда вообще стремится эволюция? Сто лет назад почитатели Дарвина верили твердо – эволюция устремлена к разумной жизни, и процесс сей необратим. Потом даже выдумали термин «кефализация» - то есть последовательное эволюционное увеличение мозгов. Это то самое генеральное направление, в котором якобы работал дарвинский естественный отбор. Что же получилось? По пути от инфузории к человеку тысячи видов уступали место не только более мозговитым конкурентам, но и существам с куда меньшими мозгами или совершенно безмозглым. Тупые крокодилы пережили не только динозавров, но и мозговитых представителей звериного племени – все тех же мастодонтов, мамонтов, гигантских оленей, саблезубых тигров и пещерных медведей. Мозговитые «вымерли», тупые живут и процветают. И это не единственный пример. От обезьян к человеку протягивают цепочку вполне продвинутых (по зоологическим меркам) существ – от так называемых австралопитеков до неандертальцев. Все они, как утверждают, вымерли, а некоторых (например, неандертальцев) вообще записали в тупиковые формы. Все бы ничего, только непонятно, почему те же неандертальцы и австралопитеки не смогли дать фору современным гориллам, шимпанзе или бабуинам?

Неандерталец как-то неожиданно выпал из стройной эволюционной цепи, оказавшись «тупиковой ветвью». Когда факты не вписываются в стройную систему, эволюционисты бывают весьма остроумны…

Так что же у нас получается? Развивайся, не развивайся – эволюционного тупика не избежать. Уж если глупым мартышкам повезло больше, чем башковитому неандертальцу, то можно ли вообще надеяться на величину мозгов и считать их критерием эволюционного развития? К каким высотам направлялась эволюция, если самыми приспособленными оказываются (по признанию самих же ученых) … вирусы? То есть самые примитивные создания. Вот вам и вся «кефализация», вот вам и весь ароморфоз. Куда, интересно, смотрел Дарвин, когда изобретал своих «наиболее приспособленных»?

ХРОНИКА ЧУДЕСНЫХ ПРЕВРАЩЕНИЙ

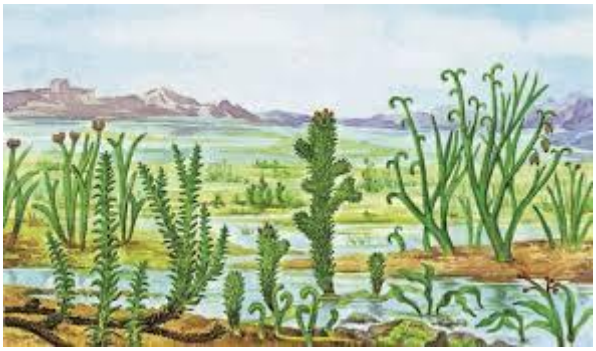

Мало, наверное, кому известно, что знаменитый английский писатель и математик Льюис Кэрролл написал свою знаменитую книгу «Приключения Алисы в Стране Чудес» как пародию на дарвинские идеи, наделавшие столько шуму в академическом сообществе того времени. «Страна Чудес» - это как раз тот мир, где происходят воображаемые эволюционные превращения. Точнее сказать, такие превращения возможны только в воображаемом чудесном мире. Тот реальный мир, изучением которого занята настоящая наука, не только не обнаруживает ничего подобного, но даже ничего подобного предположить не может. Нетрудно убедиться, что описанная в школьных учебниках эволюция органической жизни происходит совершенно вопреки точно установленным законам природы.

Чудесное покорение суши

Жизнь, как нас учили, зародилась в воде. Вода бурлила, полыхали молнии, грохотали вулканы, сотрясалась земля, лили кислотные дожди. В таких вот непригодных для жизни условиях жизнь и зародилась. Парадокс? Нет – чудесный мир. Мир, где все происходит наоборот. Мы знаем, что разряд молнии способен убивать микроорганизмы, а здесь, в

чудесном мире, он только посодействовал их возникновению. Все произошло как в сказке: грянул гром, и свершилось чудо – зародилась жизнь. И напрасно доказывал Пастер, что в стерильной среде никакие микроорганизмы появиться не могут. В чудесном мире они не только появились (в абсолютно стерильной среде), но стали бурно размножаться. Это в нашем мире, где Пастеру приходилось ставить свои опыты, для их размножения нужна питательная органическая среда. В чудесном мире эволюционистов микроорганизмам помогали силы небесные – все те же молнии и кислотные дожди. Питались ли они Святым Духом, о том в эволюционном талмуде не сказано. Главное, что их продвинутые потомки унаследовали эту главную родовую черту – получать питание из ничего. Без этого чудесного качества знаменитое покорение суши не состоялось бы никогда.

Выход живых организмов на абсолютно безжизненную сушу – чудо, не наблюдаемое в природе ни одним биологом, ни одним зоологом, ни одним ботаником, ни одним агрономом, ни одним животноводом… Вообще ни одним ученым естествоиспытателем. Но были, были такие времена! - уверяют нас эволюционисты.

Когда в древних морях зародились водоросли, черви и прочие букашки, они волей случая стали попадать на сушу. Шторм и приливы выбрасывали их на неприютный берег, где многие из них погибали. Но, как выяснилось, не все. Некоторые, учит нас эволюционный талмуд, «приспособились» к жизни на суше. В общем, ничего мудреного – просто «приспособились». Об этом написано в десятках книг по эволюции. Не ясно только, когда они успели выработать свои «приспособления» - до или после того, как попали на сушу. Вопрос не праздный. Это элементарное требование логической ясности. Если водные твари заранее обладали необходимыми «полезными признаками», позволившими им выжить на суше, следовательно, они «приспосабливались» к этой перемене образа жизни уже в воде. Если никаких приспособлений заранее не было, тогда случайное выживание несчастных букашек вообще исключается. Или «приспособления» стали у них появляться в результате сильного стресса, прямо на глазах? Впрочем, в чудесном мире всякое возможно.

Но главное чудо заключалось в том, что выжившие твари не собирались возвращаться в воду, а устремлялись в безжизненную пустыню, добровольно обрекая себя на аскетическое существование. Какого счастья искали они на необжитой земле, остается тайной за семью печатью. А может, они питались трупными останками своих неудачливых сородичей? Тут уж, действительно, полное торжество дарвинизма. Вначале неудачники, утратив инстинкт самосохранения, рвутся на безжизненные просторы, чтобы удобрить почву для более продвинутых поколений. И только затем сюда устремляются «наиболее приспособленные», чтобы жить и размножаться. Такое вот диалектическое взаимодействие жизни и смерти. Непонятно только, на кой им нужна была такая противоестественная эмиграция. Наверное, в море появилась столько биомассы, что девать было некуда. Вот «излишки» живых организмов и выталкивались на сушу, аж на сотни и тысячи километров. В нашем мире так не бывает, но чудесному миру наши законы не писаны.

Вслед за букашками на сушу поползли, как мы все хорошо знаем из школьного курса биологии, рыбы. Это был, как уверяют эволюционисты, ключевой момент в истории органического мира. Еще бы – на землю обетованную ступила нога наших далеких «предков». Впрочем, что это была за нога, до сих пор остается под вопросом. На роль чудесной ноги был

назначен мясистый плавник целаканта. По мнению эволюционистов, такие плавники помогали целакантам перебираться из одного водоема в другой во время засух. Как они дружно решили, именно подобные неурядицы вынудили древних кистеперых рыб взяться за освоение суши. Правда, вскоре природа преподнесла защитникам эволюции неожиданный сюрприз. В 1938 году у восточного побережья Африки был выловлен живой и невредимый целакант, считавшийся давно уже вымершим. К величайшему конфузу дарвинистов, жил он на большой глубине, а на сушу не только не стремился, но и не совершенно не выносил дневного света.

Так изображают воображаемых древних целакантов, якобы давших начало земным четвероногим. Не воображаемые, а реальные целаканты в таком виде не существуют.

Казалось бы, неожиданная находка требовала существенной корректировки сложившихся представлений насчет освоения суши. Но не тут-то было – история превращения рыб в земноводных осталась в прежнем виде. Эволюционисты с присущим им остроумием объявили, что настоящие, ныне живущие целаканты просто однажды… вернулись обратно в море. Эволюция, как мы уже заметили, вещь непредсказуемая, действует с широким размахом и с абсолютной свободой. Одних кистеперых рыб загнала на сушу, а других на морскую глубину. Несмотря ни на какие сюрпризы, нынешний целакант все равно получил порцию восторженных возгласов как «связующее звено» между морскими и сухопутными животными. Опять читаем в популярной книжке: «Конечно, и до поимки целаканта была в общих чертах известна картина преобразования плавника ископаемой кистеперой рыбы в пятипалую конечность первых наземных позвоночных – стегоцефалов. Но одно дело – окаменелые отпечатки, а другое, когда перед тобой живая плоть и ты видишь, каким образом рыбный плавник превращался в конечность наземного четвероногого, каким путем равнодействующая эволюции вела к одному из крупнейших событий в истории нашей Земли, к появлению животных, приспособленных к жизни на суше» [Варшавский, с. 13].

Такое вот дежурное заклинание про «старину четверонога». Что тут сказать? До боли знакомый симптом – не замечать разницы между увиденным и воображаемым. Обратили внимание: «… и ты **видишь,** каким образом рыбный плавник **превращался** в конечность наземного четвероногого»? Комментировать такое специфическое восприятие реальности нет смысла. Как мы знаем, это уже традиция. Можно, конечно, порадоваться за целаканта, которого природа снабдила таким уникальным плавником, позволяющим ему жить и в морских глубинах, и карабкаться по суше. «Приспособление», однако. Разумеется, никто еще не видел, чтобы целакант выползал на берег. Но в чудесном мире сие событие произошло.

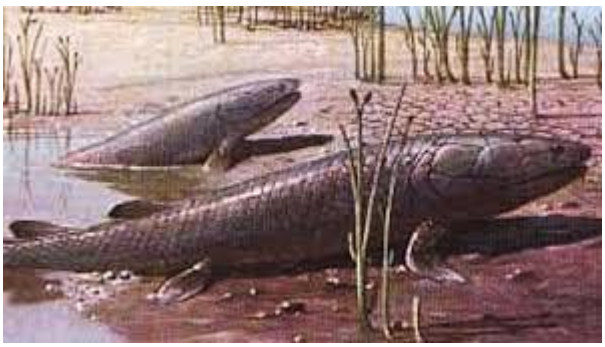
Вначале, как утверждается еще в одной популярной книжке, кистеперые рыбы выбирались на берег, чтобы «спокойно здесь подышать и отдохнуть» [Акимушкин, с. 46]. Как отмечает тот же автор, суша в ту пору «была пустынна – идеальное место для ищущих уединения». Конечно, чего еще надо молчаливым тварям, как не «уединения»! Подобно христианским отшельникам, питались они, видимо, Духом Святым. И чудо не заставило себя ждать: «Постепенно плавники-ходули превратились в настоящие лапы. Рыбы вышли из воды и стали жить на суше» [Там же].

Никто, конечно, не ставил эксперимент, насколько комфортно целаканту ползать по суше на своих лапах. На подобное действие их еще никто не подвигнул. Насколько известно, целаканты помирали прямо в бассейнах, куда их помещали дотошные ихтиологи. Хотя всё можно списать на то, что это были «неправильные» кистеперые рыбы, чьи не столь отдаленные предки отказались от борьбы за прогресс и дезертировали в море. Такую версию вам выдаст любой эволюционист. Однако лично мне популярная сага о мясистых плавниках представляется более чем надуманной. В конце концов, по суше можно передвигаться не только без «плавников-ходуль», но и вообще без конечностей. Илистый прыгун, не имея прогрессивных «приспособлений» целаканта, сигает по земле не хуже иных амфибий. Чего уж там говорить о змеях и прочих безногих тварях, что в состоянии с одинаковым успехом перемещаться и по воде, и по суше. Зачем столько внимания «старине четвероногу»?

Ответ прост. Покуда речь зашла о легендарной ноге наших «прародителей», срочно понадобился плавник, хотя бы отдаленно похожий на лапу. Такой плавник нашли. Ну а дальше сочинили легенду о чудесном покорении «пустынной» суши древними позвоночными. Когда обнаружили живого целаканта, готового своим «неправильным» образом жизни подпортить научную репутацию сочинителям легенды, затылки чесали недолго. Вначале предложили мисс Куртенэ-Латимер, первой обладательницы чудесной рыбы, пойти на сделку с совестью и, что называется, дать ложные показания. Но, как сказано в Священном Писании, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Целакант был таки явлен научному сообществу таким, каков он есть. Легенду пришлось подправить, добавив туда сюжет о «неправильных» кистеперых рыбах, изменивших своему великому призванию.

Действительно, иначе как великим призванием объяснить беспрецедентную метаморфозу с кистеперыми рыбами невозможно. Давайте рассуждать. Нам говорят, что высыхание водоемов вынуждало их выбираться на сушу. Однако надо полагать, что моря в ту пору все как один не пересохли, а значит, их обитателям было где плодиться и размножаться, без всякой нужды выпрыгивать на берег. Допустим, что некоторые особо одаренные твари оказались в сложной ситуации и совершили свою дерзкую вылазку на сушу. Что из этого следует? А из этого следует только то, что эти героические животные заранее обладали достаточными «приспособлениями» для того, чтобы перемещаться из одного водоема в другой. В противном случае они бы без всяких чудес издохли под палящим солнцем – подобно тому, как нынешние «неправильные» целаканты помирают в мелких бассейнах. Если бы не привычка эволюционистов к абстрактным рассуждениям о животных вообще, они бы поняли, что существование конкретной особи на миллионы лет не растянешь, а значит в непривычной и неблагоприятной ситуации с ней происходит все то, что происходит в таких случаях со всеми живыми существами – смерть.

Стало быть, «экстрим», о котором вещают эволюционисты, был для тех чудесных рыб вполне нормальным состоянием, к которому они были подготовлены изначально, генетически. Иначе говоря, эти рыбки должны были жить подобно современному илистому прыгуну, не скучая по морским глубинам и не ведая о великом призвании. Это если применять к ситуации мерки реального мира. В чудесном же мире, где эволюция с регулярностью нарушает все известные законы природы, рыбы не только бросают вызов судьбе, но и своему естеству. Самые удачливые из них, умудрившиеся в целях выживания доползти до ближайшего водоема и не погибнуть, вообще решили… отказаться от жизни в воде. Такова логика (специфическая, как мы знаем, логика) сочинителей эволюционной легенды о четвероногих покорителях суши.

То, что их не убило, сделало их сильнее… Философия, чистая философия!

Короче, рыбы искали воду, а обрели сушу. А сушу обрели потому, что сумели… обрести воду. Мясистые плавники, оказывается, понадобились для того, чтобы преодолеть смертоносное расстояние до ближайшего водоема и вновь погрузиться в родную водную стихию. И у наиболее «приспособленных» именно так и получилось. На кой тогда, спрашивается, этим счастливчикам нужно было обзаводиться лапами? Чтобы с большим успехом бегать от водоема к водоему? Такой вот парадокс, недоступный пониманию простых смертных. Приходится принять на веру, что только великое призвание побудило чудесных девонских рыб приподняться на четвереньки.

Собратья крокодилов учатся летать

Как заявлял один поэт: «рожденный ползать летать не может». Мы когда-то это тоже проходили в школе. Но параллельно мы узнали, будто птицы произошли от ползучих гадов. Ученые-дарвинисты, как выясняется, чужды революционной романтике молодых пролетарских поэтов, а потому не видят ничего крамольного в том, что холодные и скользкие рептилии породили милых нашему сердцу пташек. Согласно канонической версии, начиналась эта история так.

Некая древняя рептилия жила на деревьях и прыгала с ветки на ветку. Благодаря чудесному вмешательству естественного отбора через несколько миллионов лет у этих прыгунов появились «приспособления» к планированию в виде плоскости из удлиненных и расширенных передних конечностей. Параллельно тяжелые чешуи древнего ящера стали превращаться в перья, благодаря чему их летные характеристики значительно улучшились. Ну а дальше процесс пошел как по маслу. В общем, еще один вариант служения великому призванию.

Какие «преимущества» дали археоптериксу перья, ежели летун он все равно был никакой? Но у «эволюции» своя логика…

В современных школьных учебниках история о чудесном преображении хладнокровных гадов подкреплена знакомыми волшебными словами: «Возникновение птиц сопровождалось появлением крупных ароморфозов в их строении: они утратили одну из двух дуг аорты и приобрели полную перегородку между правым и левым желудочками сердца». Как все, оказывается, просто: кое-что утратили, кое-что приобрели. «Ароморфоз» называется. Читаем дальше: «Все особенности строения птиц – перьевой покров, преобразование передних конечностей в крылья, роговой клюв, воздушные мешки и двойное дыхание, укорочение задней кишки – являются приспособлениями к полету, т.е. идиоадаптациями». Знакомая логика, не правда ли? Птицы приспособились к полету благодаря приобретению необходимых приспособлений. «Идиоадаптация», одним словом.

Я сейчас не буду комментировать некоторые экзотические версии, вроде того, что предки пернатых долго гонялись за насекомыми и так натренировали свои органы, что, в конце концов, взмыли в воздух. Не важно, чем конкретно занимались птичьи прародители – бегали за мухами или прыгали с ветки на ветку. И дело даже не в том, что они полетели, а в том, что они стали именно птицами. Есть птицы, которые не летают, но все же от этого они не перестают быть птицами. Короче говоря, вопрос в том, на кой понадобилось древним ящерам становиться птицами? Именно птицами.

Начнем с «приспособлений» к полету. Как мы знаем, из позвоночных животных птицы – не единственные летуны. Есть еще летучие мыши. А в древности – как раз в тот период, когда начались рассматриваемые эпохальные события – в небе парили самые настоящие летающие ящеры. Вот так, надо полагать, прыгал какой-то ящер с ветки на ветку, и через миллионы лет его потомки взмыли в небо. Но только не в качестве птиц, а крылатых ящеров. Это если оценивать неудержимое стремление гадов как можно сильнее оторваться от земли. Как там, интересно, было с «дугами аорты»? Или передние конечности птеродактилей не были «приспособлением к полету»? Как тут насчет «идиоадаптации»? Понимаю, что возникновение летающих ящеров не сопровождалось «появлением крупных ароморфозов». Но ведь летали же, проклятые! И судя по их «процветанию» в означенный период, летали неплохо. Во всяком случае, пропитание добывать умели.

Птеродактиль умел летать, но не имел перьев. Так распорядилась «эволюция»...

Казалось бы, чего проще: обрасти птеродактиль перьями, и вот вам почти готовая первоптица – со всеми необходимыми «приспособлениями». Тем более что есть версия, будто птеродактили были теплокровными и даже высиживали яйца. Но нет. В небо, согласно все той же канонической истории, вдруг устремились те, которые по части летных качеств уступали птеродактилям, что называется, по полной программе. Однако таинственная сила под названием «ароморфоз» снабдила именно этих существ перьями. Перо, как нам объясняют, обладает незначительным удельным весом и является дополнительной плоскостью для полета. Спору нет – для желающих полететь оно оказалось очень ценным, прямо-таки революционным «приспособлением». Птеродактиль ни о чем подобном не мог и мечтать. И в этом-то вся загвоздка, что первые пернатые (по признанию самих

эволюционистов) летали кое-как. А некоторые не летали вообще! Знаменитый археоптерикс, как признаются ученые, больше планировал, чем летал. А так называемый гесперорнис – почти ровесник археоптерикса - практически не имел крыльев. Спрашивается, в чем тут заключался выигрыш? Гесперорнис получил перья, даже не обладая крыльями! Еще один парадокс чудесного мира.

Получается странная картина. Хорошие летуны перьев не имели и не могли на них рассчитывать. Важное «приспособление» к полету эволюция почему-то дарит тем, кто на полет совсем не рассчитывал. Иногда приходится слышать такое объяснение: перо, дескать, служило средством теплоизоляции. Наступали холода, и надо было как-то решать проблему сохранения тепла. Как пишет по этому поводу упоминавшийся уже зоолог Дэвид Эттенборо: «Предки археоптерикса жили на деревьях; у них из чешуи развились перья, отвечавшие нуждам теплоизоляции, но, становясь все больше, они в конце концов позволили ему планировать с ветки на ветку, как это и сегодня проделывает ящерица летучий дракон с помощью кожных складок, натягиваемых между лапками вдоль боков» [Эттерборро, с. 98]. Короче, все та же история, только с дополнительным мотивом про теплоизоляцию. Это еще один пример эволюционисткой логики. Непонятно, чего на самом деле хотели гипотетические предки пернатых – летать или согреться. Летать, как мы знаем, можно было без перьев. Впрочем, и согреться тоже. Волосяной покров также решает проблему теплоизоляции, что мы видим на примере летучих мышей. Кстати, есть гипотеза, согласно которой птеродактили, подобно летучим мышам, обладали волосяным покровом.

Гесперорнис имел перья, но не умел летать. Тоже… «эволюция».

Что получается? Какой бы зачин нам ни предложили сочинители истории о чудесном преображении ползучих гадов, перо никак не выходит. Прыгал ящер с ветки на ветку, отращивал на передних конечностях несущие плоскости. Ну, полетел, подобно летучему дракону. И что с того? Перья откуда? От неудержимого стремления к полету? Птеродактиль это стремление реализовал, а перьев не получил. Допустим, хотел прародитель пернатых согреться? Почему же природа снабдила его, плохого летуна, не мехом, как летучих мышей, а все теми же перьями? Но главное, с какого перепугу ящер начал вырабатывать тепло? Хладнокровные твари, как известно, ни в какой теплоизоляции не нуждаются. Поэтому, прежде чем начинать рассказ о том, как «из чешуи развились перья», стоило бы рассказать о том, что происходило у прародителей пернатых с системой пищеварения и прочими внутренними органами. Копнуть, так сказать, поглубже. А то ведь за «приспособлениями к полету» как-то упустили из виду невесть откуда взявшуюся потребность в усиленном питании.

Короче говоря, «крупные ароморфозы» на поверку оказались творческой игрой неведомых сил природы. Если повнимательнее разглядеть знаменитого археоптерикса, то легенда о прыгающем пернатом ящере может обрасти еще более фантастическими подробностями. Так, по строению зубов эта «первоптица» напрашивается в родственники к … крокодилам. А позвоночник ее того же типа, что был у … ихтиозавров – морских ящеров. Может, предки археоптериксов повыпрыгивали из воды? Гесперорнис, если не забыли, летать

не мог, зато в воде чувствовал себя отлично. Не научившись летать, он отчего-то стал вырабатывать «приспособления» к плаванию. Или то была наследственная черта?

В общем, с какой стороны ни подойди, всюду нас поджидают чудеса. Ввиду неумолимости сложившихся обстоятельств, некоторые современные эволюционисты решили откровенно, что называется, «узаконить» чудесные деяния природы. Так, один чудаковатый эволюционист Рихард Гольдшмидт выдвинул теорию о «подающем надежде уроде», согласно которой первая птица вылупилась прямо из яйца рептилии! Это чудо было названо волшебным словом «макромутация». В 70-е годы его идею даже поддержали весьма солидные американские палеонтологи, отчаявшиеся найти пресловутые «переходные звенья». Надо отдать должное Гольдшмидту, он оказался честным ученым, назвал все вещи своими именами. Действительно, зачем напрягать фантазию, изобретая истории о порхающих ящерах? Как мы уже убедились, порхать они начали из-за особенностей своего внутреннего строения. И на вопрос: откуда он такой взялся? – ответ получен: прямо из яйца рептилии. Чудесным образом, разумеется (а как еще иначе?).

«Венец эволюции» удивляет природу

Истории о чудесном происхождении человека обычно выделяются в специальный раздел. Значимость этой темы понятна. Еще бы – речь идет о происхождении разумного существа. Саги о мясистых плавниках и перьях меркнут перед грандиозным повествованием о существе, вставшим с четверенек на задние конечности, утратившим волосяной покров, нарастившим внушительные мозги и овладевшим членораздельной речью.

Столь беспрецедентный качественный рывок произошел, как всегда, в насмешку над всеми известными законами природы. Имеется в виду наблюдаемый нами реальный мир. Все мы, например, знаем из опыта, что ребенок начинает говорить, подражая взрослой речи. Если с ним не разговаривать, он так и останется немым, несмотря на изрядное количество мозговых извилин. То же самое касается прямохождения. Ребенка этому специально учат. Дети, воспитанные волками и другими животными, бегали на четвереньках и совсем не разговаривали. Несмотря на наличие чисто человеческих «приспособлений», они вели себя как самые настоящие животные, и потом опытным наставникам приходилось с огромным трудом приучать их к человеческим манерам. О чем все это говорит? О том, что, несмотря на человеческое строение организма, человеческий образ жизни возможен только при соответствующем воспитании, в человеческом окружении. Именно так всё происходит в реальном мире. В чудесном мире всё происходило с точностью до наоборот.

Дети, воспитанные в волчьей стае. Несмотря на большое количество извилин и анатомической предрасположенности к прямохождению, они полностью скопировали повадки и образ жизни диких хищников. А если бы они попали в обезьянью стаю, то скопировали бы повадки обезьян. Разве не чудо, что воображаемые «обезьяньи предки» вдруг встали на задние конечности и заговорили членораздельно? А всё потому, что… «эволюция».

Согласно каноническому эволюционному учению, все началось с того, что где-то в Африке стали сокращаться тропические леса, и какая-то часть человекообразных обезьян была

вынуждена спуститься на землю и осваивать просторы тропической саванны. Попав в непривычную среду, несчастным обезьянам ничего не оставалось делать, как отказаться от растительной пищи и вкусить мяса. Это привело к прогрессивному сдвигу, поскольку новый образ жизни, связанный с охотой и защитой от крупных хищников поднял их с четверенек и освободил передние конечности для использования орудий. Ну а дальше всё пошло как по накатанной колее: руки упражнялись всё чаще и чаще, спина распрямлялась всё больше и больше, количество мозгов увеличивалось и т.д. В общем, происходило всё то, о чем нам много раз рассказывали в школе.

Чтобы проверить научную состоятельность этой антропологической легенды, применим те же утверждения не для чудесного, а для реального мира. Итак, что произойдет с животными при сокращении привычной среды обитания? Выражаясь научно, произойдет уменьшение численности популяции. Если легендарный сюжет распространить на современных горилл, то чуда не произойдет – горилл просто станет меньше. Об этом знает любой зоолог. Но когда речь заходит о легендарном прародителе человека, вся научная компетентность мгновенно уступает место вере в чудо. Легендарные обезьяны не только не стали вымирать, но еще отреагировали на ситуацию столь нестандартно, что им мог бы позавидовать талантливый человеческий детеныш Маугли из знаменитой сказки Киплинга.

Живущие в Африке гориллы вряд ли подчиняются «закону чудесного превращения». Сокращение лесов банально сокращает численность их популяции. И всё – никаких чудес…

Допустим, как предполагают наши умудренные антропологи, легендарные обезьяны были не лыком шиты и смогли быстренько приспособиться к новым условиям. Как пишет о том известный советский антрополог: «Сохранение вида в новой экологической нише было возможным лишь при условии выживания в борьбе с хищниками и приспособления к непривычной пище» [Алексеев, с. 141]. Допустим, выжили и приспособились. Только с чего бы, спрашивается, им пришлось вскакивать на задние конечности? Павианы живут в той же саванне, превозмогают те же трудности, не брезгуют иной раз и мясной пищей, однако следовать примеру человеческих прародителей не стремятся. Почему же легендарные обезьяны не уподобились современным бабуинам, тем более что такой метаморфоз совсем не противоречит дарвинской теории? Да и тропический лес, кстати, далек от райской идиллии. Современные шимпанзе – типичные лесные жители – ни вегетарианством, ни кротким нравом не отличаются. И не всякий леопард – самый опасный лесной хищник – осмелится на них напасть.

Живущие в африканской саванне павианы так и остались на четвереньках… «Закон чудесного превращения» их тоже не коснулся.

Что же такого могло произойти с человеческими прародителями, чтобы у них вдруг появилась нужда в высвобождении передних конечностей? Знакомый нам Дэвид Эттенборо в одном из своих популярных фильмов показал шимпанзе, форсирующих ручей. Смотрите, дескать, как приходится выпрямляться обезьянам, чтобы преодолеть водную преграду. Так эволюционисты надеются разгадать тайну прямохождения. Конечно, в остроумии им и здесь не откажешь. Надо полагать, для обезьян было куда важнее торчать в холодной воде, чем лазать по деревьям. Естественный отбор, похоже, действовал в направлении выживания тех, кто чаще лез в воду. Не проще было бы снабдить этих обезьян «приспособлениями» для плавания? Да и потом, я полагаю, что бурым медведям в борьбе за выживание выпрямлять спину приходится гораздо чаще, чем шимпанзе. Почему бы родословную человека не начать с медведей?

Вообще, традиция ставить человеческих предков в неудобную позу сложилась давно. Еще до войны один советский дарвинист объявил прародиной человека скалистую местность. По его мнению, лазанье по скалам, необходимость вытягиваться из-за камней в полный рост для осмотра местности вынуждали древних обезьян постоянно выпрямлять свое тело. Поэтому в таких условиях якобы выживали те особи, которые были в состоянии подолгу оставаться в выпрямленном положении. Конечно, других «приспособлений» для выживания не требовалось - ловкости, быстроты, цепкости конечностей. Нет, стоять истуканом с освобожденными от «опорной функции» руками было важнее. Советские дарвинисты, видимо, не были в курсе, что по скалам лазают еще и горные козлы. Почему естественный отбор не привел к появлению прямоходящих козлов, неизвестно. Я уж не говорю о том, что раскачивание на ветвях деревьев, что нередко проделывают обезьяны, тоже неплохо способствует выпрямлению тела. Это понимает всякий, кто упражнялся на перекладине. Кстати, гиббоны – самые закоренелые древолазы – имеют совершенно прямой позвоночник.

Дэвид Эттенборо, профессионально разбирающийся в анатомии животных, не уменьшает значения древесного образа жизни. «Тенденция к вертикальной постановке туловища, - пишет он, - намечалась уже среди приматов, которые обитали на деревьях и использовали передние конечности, чтобы срывать листья и плоды. Многие из них были способны, спускаясь на землю, некоторое время стоять на задних конечностях» [Эттенборро, с. 161]. Значит, прогресс пошел уже на деревьях? Впрочем, дальше английский зоолог круто переходит к канонической версии: «Однако для жизни на равнинах, бесспорно, крайне полезна постоянная вертикальная поза. Обезьянолюди были небольшими, беззащитными и медлительными по сравнению с хищниками саванн, а потому им особенно требовалось заблаговременно увидеть приближающегося врага. Вот почему способность встать прямо и оглядеться оказывалась для них жизненно важной в буквальном смысле слова» [Там же].

Выходит, стоять прямо – «жизненно важно», а быстро бегать – уже не так важно для этих «беззащитных и медлительных» выходцев из леса? Сам Эттенборо признается, что на четвереньках можно бегать в два раза быстрее, что демонстрируют небольшие обезьяны, живущие в тех же саваннах. С другой стороны, ничто не мешало легендарным обезьянам совмещать и то, и другое – вставать на задние лапы для обзора местности, и бегать на всех

четырех в случае необходимости. У многих «нормальных» обезьян все так и происходит. И не только у обезьян. В Африке, например, живут забавные существа - сурикаты. Живут группами, выползая днем из норок на кормежку. Пока одни члены группы заняты пропитанием, другие стоят на посту, вытягиваясь во весь рост. Заметив опасность, «часовые» дают сигнал, после чего все зверьки, опустившись на четвереньки, быстренько убегают в норки.

Сурикат похож на маленького смешного человечка – как ни в чем не бывало стоит вертикально на задних лапах. «Почему «эволюция» не наделила его человеческим мозгом, не понятно…

Если всерьез воспринимать легенду об обезьянолюдях, то получается, что там вся стая целыми днями только и делала, что сверлила глазами окрестности, вытягивая плечи и шею. Следуя логике дарвинистов, такая поза способствовала не только заблаговременному предупреждению об опасности, но и способствовала успешной охоте. Как пишет Эттенборо: «Высоко поднимая голову и вглядываясь в даль, можно было узнать гораздо больше, чем обнюхивать клочок пыльной травы». Конечно, «узнать» можно было больше, а вот поймать… Тут уже, безусловно, возникали проблемы. Сам английский зоолог признается: «Вертикальное положение туловища, разумеется, не способствовало развитию быстроты, скорее оно сделало обезьянолюдей еще более медлительными» [Там же]. Но это еще полбеды. Подкарауливать дичь в вертикальной позе тоже не совсем удобно. У потенциальных жертв, надо полагать, инстинкт самосохранения никуда не исчезал, и даже при всем уважении к «венцу эволюции» безмозглые зверушки не спешили попасть ему на обед. А тому, кто встал на две ноги, очень неловко перемещаться в другой позе, привычной для «непродвинутых» животных. Так что шансы у «прогрессивных» обезьянолюдей в борьбе за выживание должны были сильно уменьшиться в сравнении с прочими тварями.

Но, согласно легенде, помощь пришла с другой стороны. Вертикальная походка освободила натренированные руки, чем обезьянолюди незамедлительно воспользовались. «Выпрямившись, - пишет Эттенборо, - они могли использовать руки так, что вполне компенсировали отсутствие клыков и когтей». Какой замечательный кульбит эволюции - свободные руки в обмен на клыки и когти! Павиан, значит, получил от природы клыки, а вот легендарный прародитель человечества - чудесные конечности. А к конечностям еще прилагались чудесные мозги, без которых им не нашлось бы должного применения.

Похоже на то, что легендарная обезьяна просто не могла не стать человеком. Какую бы стезю она ни выбирала, все пути вели ее к прямохождению (со всеми вытекающими последствиями – то есть свободными руками и большими мозгами). Живет на деревьях – позвоночник выпрямляется, лезет в воду – опять выпрямляется, лазает по скалам – снова выпрямляется, выходит на равнину – и здесь тоже встает на две ноги. Почему природа снабдила ее свободными руками и мозгами, а не клыками, как у павиана, известно только самой природе. Такая вот удивительная судьба выпала на долю чудесному примату.

Короче говоря, если птица полетела потому, что выработала «приспособления» к полету, то обезьяна стала человеком потому, что стала жить по-человечьи. Опять все та же знакомая логика. «Речь содействовала развитию процесса мышления, совершенствованию трудовых

процессов, эволюции общественных отношений» - читаем мы в школьном учебнике для 11 класса. Какое глубокомысленное высказывание: «речь содействовала…». А сама речь, надо полагать, явилась результатом той же самой «эволюции общественных отношений». Иными словами, речь содействовала эволюции, будучи результатом этой самой эволюции. Как о том заявляет Дэвид Эттенборо: «Стремление человека к общению, к передаче и получению информации, по-видимому, является такой же основой его успеха в качестве биологического вида, как плавник для рыб и перо для птиц» [Эттенборо, с. 169]. Да, за рыб обидно. Природа не только не наделила их «стремлением к передаче и получению информации», но и вообще лишила голоса. Откуда такие преференции потомку обезьяны, ни один дарвинист вам не ответит. В общем, человек произошел потому, что он… произошел. Великое чудо природы – так об этом иногда пишут в популярных книжках.

О ТОМ, КАК СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

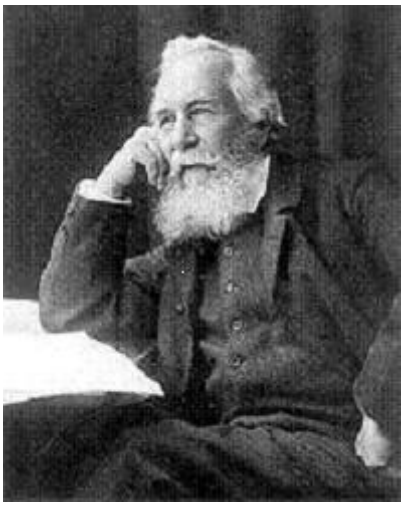
Вы не верите в существование кентавров, русалок, гномов и великанов? Напрасно. Эволюционная теория в состоянии объяснить появление практически любого сказочного существа. И не только теория, но и те способы «доказательств», что используют дарвинисты для обоснования своих фантастических образов, вполне могут превратить сказку в реальность. Судите сами.

Как найти останки кентавра?

Главное – в него поверить. Поверить так сильно, чтобы желание явить миру (включая научное сообщество) это мифическое существо подвигло вас на усердные поиски. Я сказал «усердные», хотя в случае с кентавром дело обстоит проще, чем с иными персонажами «геологической летописи». Чтобы понять, как нужно доказывать существование кентавра, рассмотрим одну поучительную историю, связанную с поиском «останков» питекантропа. Она того стоит.

Всё началось с публичных лекций иенского профессора Эрнста Геккеля – того самого, который изобрел известный нам со школьной скамьи «биогенетический закон». Геккель, обладавший неистощимым воображением, живо отозвался на теорию Дарвина, став ее неутомимым пропагандистом. Разъезжая по Европе, этот экстравагантный профессор раскрывал неискушенной молодежи тайну человеческого происхождения, подкрепляя свои откровения завораживающими картинками наших далеких «предков». По сути, Геккель был одним из тех, кто стоял у истоков «обезьяньего» бума, поразившего научную общественность Европы после выхода в свет знаменитого дарвинского труда. «Прогрессивные» ученые загорелись желанием во что бы то ни стало извлечь на свет бесценные кости своего далекого прародителя. С подачи Геккеля, прародитель был назван «питекантропом», то есть «обезьяночеловеком». Именно благодаря художественному таланту иенского профессора

портрет «предка» предстал перед общественностью намного раньше, чем были обнаружены его бренные останки. Обладал ли профессор Геккель интуицией великого мага, неизвестно. Однако в любом случае для признания за его художествами хоть какой-то научной ценности окаменевшие кости были совершенно необходимы. Осталось найти молодого энтузиаста, готового ради торжества дарвинизма отправиться на поиски далеких «родных» захоронений.

Эрнст Геккель – ярый немецкий последователь Дарвина, изобретатель «биогенетического закона», социал-дарвинизма и «отец» питекантропа. Верил в чудеса буквально.

Таким молодым энтузиастом оказался 29-летний голландский медик Эжен Дюбуа. «Рыцарь науки» - так окрестили его авторы популярных книг по эволюционной антропологии. Действительно, энтузиазму молодого поклонника Дарвина могли бы позавидовать все средневековые крестоносцы. Не будем сейчас пускаться в детали поисков драгоценных костей, не будем рассуждать, какая путеводная звезда направила Дюбуа в Индонезию вместе с женой и грудным младенцем. Важно то, что конкретно явилось результатом столь беспримерного энтузиазма.

Найденный «предок» предстал перед научной общественностью в виде двух костей – черепной крышки обезьяны (предположительно гиббона) и бедренной кости человека со следами болезни. Антропологические видения профессора Геккеля как будто обретали свою плоть, поскольку представленная находка должна была в точности соответствовать воображаемому прямоходящему существу с обезьяньей головой (именно так в ту пору дарвинисты представляли себе питекантропа). Тот факт, что бедренная кость была найдена в 15 метрах от черепной крышки, да еще вперемежку с другими костями (коих «рыцарь науки» собрал несколько ящиков) не вызвал у «эксперта» по обезьяньим предкам ни малейшего смущения. В отличие от своих заслуженных коллег, Геккель был абсолютно уверен, что перед ним – «типичный» образец «питекоидного» предка человека. Вслед за Геккелем этой уверенностью прониклись остальные дарвинисты. Именно поэтому в популярных книжках про «яванского питекантропа», найденного неутомимым «рыцарем» Дюбуа, писали как об очень важном «открытии».

Восторг перед этим «открытием» не уменьшился даже после того, как Дюбуа представил несколько человеческих черепов, найденных им в том же месте, где покоился прах «питекоидного предка». В советской литературе по этому поводу писали, будто проклятые «реакционеры» и прочие мракобесы так затравили молодого энтузиаста, что он якобы был вынужден оклеветать самого себя. Что касается «реакционеров», то они вполне резонно замечали: если бы Дюбуа нашел рядом с черепной крышкой обезьяны еще одну такую же, то его питекантроп, похоже, был бы двухголовым. Так шутили его противники, но шутка, тем не менее, отражала трезвое отношение к реальности, не замутненное эволюционистскими фантазиями.

Эжен Дюбуа, «рыцарь науки», потратил свои молодые годы на поиски «питекантропа» в джунглях Индонезии. Разве мог он вернуться оттуда с пустыми руками?

В самом деле: как, оказывается, легко смастерить недостающее «переходное звено»: выбрал и груды костей то, что тебе нужно – вот и все эмпирические «доказательства». Если такой подход к фактам сделать легитимным, то, сами понимаете, собрать мифического кентавра будет совсем не сложно. Главное, как было сказано, в него поверить. А там, что называется, - дело техники. Скажем, раскопал залежи древних костей, нашел человеческий череп, а в метрах пятнадцати от него наткнулся на лошадиную кость – вот вам и весь кентавр. Можно будет представить эту находку почтенному научному сообществу для вынесения вердикта. Конечно, если в научном сообществе будут сидеть люди вменяемые, они примут вас за сумасшедшего. Это если вменяемые. А если среди них окажутся горячие поклонники античной мифологии, так же, как и вы, уверенные в существовании быстроногих человеко-лошадей? Тогда, как мы понимаем, возникнет дискуссия. Кого в ней назвать «реакционерами» - дело десятое. Если вы будете жить в эпоху кентавромании, то наверняка сторонников у вас наберется немало. Именно так произошло с Геккелем и его молодым коллегой.

К чему, спросите, вся эта притча о кентаврах? А к тому, что – как показывает опыт – вера убежденных дарвинистов в собственные фантазии настолько сильна и настолько слепа, что ее не способны поколебать ни факты, ни элементарный здравый смысл. Случай с питекантропом Дюбуа весьма показателен, ибо он наглядно подтверждает уровень научной объективности эволюционистов. Если их якобы «научные методы» позволяют обосновать любую сказку, значит и все их представления – тоже сказки. И не только методы. Те волшебные слова, коими они сдабривают все свои теоретические выкладки, способны столь же «научно» обосновать любое сказочное чудо.

Русалки: эволюция возможна!

Как мы помним, обезьяна стала человеком потому, что стала жить по-человечески. Так нам «объясняют» дарвинисты. Дескать, давным-давно наши обезьяньи предки перешли к прямохождению. Просто взяли и «перешли». Потом у них возникла членораздельная речь – вместе со стремлением «усваивать и передавать информацию». Параллельно они мастерили

всякие орудия, строили жилье и увеличивали объем мозгов. Столь эпохальные прогрессивные изменения дарвинисты, насколько нам известно, самым тесным образом связывают с переменой климата и рельефа. Обезьяны вышли на открытые просторы, и началось…

Но с чего мы взяли, что только обезьянам дарована способность испытывать такие невероятные перевоплощения? Эволюция, в чем уверен любой дарвинист, - процесс не запрограммированный, все здесь происходит благодаря случайному стечению обстоятельств. Мало того, когда-то, еще в 70-х годах в Советском Союзе проводился международный научный симпозиум, где обсуждалась проблема «альтернативных путей» эволюции разумных существ. Подчеркиваю – научный (!) симпозиум. И ученые там на полном серьезе рассуждали о разумной эволюции… летучих мышей, дельфинов и даже птиц. Даже публикации были в научно-популярных журналах. Такая вот наука.

Вот так эволюционисты воображают эволюцию летучих мышей и птиц… Вполне «научно», считают они.

А вот так – эволюцию дельфинов. Сплошная «наука»…

В общем, на приматах свет клином не сошелся. Выражаясь научно, гоминиды не могут претендовать на исключительное положение в плане эволюции разумной жизни на Земле. Не исключены альтернативные варианты, имеющие отношение к иным экологическим нишам за пределами ареала «типичных гоминид». Я специально выражаюсь в стиле академической

науки, как это делают все наши «прогрессивные» ученые, рассказывая свои сказки об эволюции.

Попробуем в том же стиле изложить эволюцию сказочных русалок.

Для начала назовем их «ихтиантропоидами», чтоб звучало научно. Старина Геккель в таких случаях не стеснялся – научных терминов наизобретал столько, что хоть отдельный каталог составляй. «Ихтиантропоид» означает «рыбо-человекообразный». Нет, не в том смысле, что русалки произошли от рыб. Просто речь идет о конвергентном сходстве этих существ с рыбами и высшими представителями гоминид. Это, если выражаться научно. Продолжая в том же духе, получим следующую картину. Морфологически ихтиантропоиды имеют сходство с современными млекопитающими, приспособленными к жизни в воде. С точки зрения биологической систематики вопрос о ближайших родственниках ихтиантропоидов не представляет затруднений. По ряду важнейших анатомических признаков, включая репродуктивные органы, они должны принадлежать к отряду сирен (подобно тому, как гоминиды, включая человека разумного, входят в отряд приматов). Филогенетически, скорее всего, ихтиантропоиды восходят к общему с современными сиренами предку, от которого в ходе эволюции выделилась группа, приспособленная для жизни в условиях прибрежной древесной растительности. Это потребовало от них приобрести длинные передние конечности, снабженные хорошо развитой кистью, позволявшей цепляться за ветви деревьев.

Вероятнее всего, появление первых ихтиантропоидных форм произошло в тропических мангровых зарослях, в условиях серьезного сокращения привычной кормовой базы. Возможно, в силу существенных экологических изменений конца неогена, часть представителей отряда сирен вынуждена была перейти на питание древесной растительностью. В таких условиях естественный отбор работал на выживание особей, наилучшим образом приспособленных к локомоции на двух передних конечностях в кроне деревьев. Таким образом, переход к частично древесному образу жизни стал решающим шагом на пути сирен к ихтиантропоидам. Развитые передние конечности, позволявшие вскарабкиваться на деревья и значительную часть времени проводить вне воды, не только позволяли срывать листья и плоды, но и обороняться от хищников.

Впрочем, не исключен и другой вариант эволюции ихтиантропоидов. Из-за сокращения водной растительности часть сирен перешла на мясной рацион, приспособившись к охоте на водоплавающих птиц. В таких условиях преимущества получали те особи, что были в состоянии использовать передние конечности для захвата добычи. Новый способ добывания пищи, в свою очередь, вел к увеличению активности и как следствие – к усложнению поведения. Это послужило толчком дальнейшей эволюции, связанной с появлением плечевого пояса, относительно длинной шеи и увеличением общей массы мозга.

Ламантин – ну чем не «предок» русалок?

Такова, в целом, история русалок, рассмотренная под углом «прогрессивной» науки. Можно, конечно, задаться вопросом, почему те из них, что уцепились за деревья, не уподобились ленивцам, а те, что начали охотиться на водоплавающих пернатых, не стали походить на морских леопардов. Но ведь никто из антропологов толком не объясняет, почему древние гоминиды, очутившись на равнине, не уподобились павианам. Короче говоря, в нашем случае мысль также движется в вполне «научном» направлении. У русалок руки появляются ничуть не более необычно, чем стройные ноги у обезьянолюдей. Если говорить о появлении человеческих черт, то в случае с гоминидами эта проблема решается не лучше, чем в случае с русалками. Никто вам не объяснит, почему выбравшиеся на равнины обезьяны, даже несмотря на свою плотоядность, стали утрачивать чисто «звериные» клыки. Как никто не объяснит, отчего обезьяны стали умнеть, говорить и вдобавок утрачивать волосяной покров, приобретая вместо него густую шевелюру на голове.

Но, пожалуй, куда важнее то, что при желании любой специалист по эволюции русалок представит вам любое количество палеонтологических «доказательств» их существования - точно так же, как в случае с питекантропом. Как мы уже видели, благодаря «прогрессивным» методам антропологов-дарвинистов можно очень даже «научно» из нескольких разных костей сконструировать любую мифологическую химеру. С русалками тут проблем не будет никаких. Нашел в залежах окаменевших костей человеческую кисть, остаток человеческого черепа и хвост ламантина. Если нет хвоста ламантина, то вполне сойдет и хвост дельфина. Потом выложить все это на стол в каком-нибудь соответствующем академическом учреждении, и, если у вас есть авторитетные сторонники среди профессуры, ваша находка, безусловно, войдет в анналы науки. Так что, любители мифологии, дерзайте!

Гномы и великаны – «прогрессивная» наука не возражает!

Чтобы «научно» осветить вопрос эволюции гномов и великанов, перво-наперво, надлежит, как и в случае с русалками, дать этим существам подходящие названия. Гномов лучше назвать «микроантропоидами», великанов, соответственно, - «мегантропоидами». Ну а затем, конечно, необходимо вставить что-то вроде того, что те и другие, дескать, принадлежат к «гоминидам». Что все они «дивергировали» от «рода питекантропов» где-то в начале (или в середине – неважно) «антропогена» и т.п. Ну и конечно, необходимо упомянуть про «филогенез» и сослаться на «идиоадаптацию».

В общем, дело было так. В дружной семье вставших на задние лапы гоминид произошло разделение, то есть произошла любимая всеми дарвинистами «дивергенция». Она представляла собой разные способы «идиоадаптации» к ухудшающимся условиям среды. Наступало то самое похолодание, вслед за которым на нашу планету, как нам рассказывают, накатился ледник. Прямые предки гомо сапиенса (то есть нас с вами) стали кутаться в шкуры, строить шалаши и укрываться в пещерах. Но это был не единственный способ выживания башковитых приматов в суровых условиях. Некоторые стали рыть глубокие норы, создав целую сеть подземных галерей. Днем одни из них, по примеру африканских сурикатов, стояли истуканами на страже своих родичей, в то время как другие занимались полезной работой – рыли норы, собирали плоды, охотились. Так, собственно, возникала социальная дифференциация микроантропоидов. Борьба за выживание в условиях коллективного существования потребовала новых средств коммуникации. Таким средством, как мы понимаем, стал язык. Он же был необходим для передачи важнейшей информации.

Кроме того, рытье подземных жилищ потребовало использования специальных орудий, а равно и организации труда. Все эти факторы резко выделяли микроантропоидов от остальных животных. Благодаря трудовой деятельности усложнялись и закреплялись важнейшие навыки. Но и главное, жизнь в искусственных подземельях способствовала уменьшению роста. Поскольку выжить в подобных условиях могли только те из микроантропоидов, что сочетали большую силу при относительно небольшом росте. Как раз в этом направлении действовал естественный отбор, исключавший выживание высокорослых особей.

Пути эволюции неисповедимы, не так ли? И так называемые «преимущества» далеко не всегда получает тот, кто имеет большой размер…

Постепенно, по мере усложнения трудовых навыков, усложнялся образ жизни, язык и социальная организация. Со временем возникли многочисленные подземные поселения со сложной системой коммуникаций. Они надежно защищали микроантропоидов как от неблагоприятных условий среды, так и от врагов. Использование огня дало сильнейший импульс к расширению трудовой деятельности. Развитие металлургии, использование металлических орудий дало возможность микроантропоидам устраивать подземные жилища в скальных породах, способных выдержать удар любой стихии. Так возникли большие подземные города и целые агломерации, населенные отдельными сообществами со своей государственностью и социальной иерархией.

Короче говоря, гномам (то есть микроантропоидам) во многом повезло. Великанам (мегантропоидам) повезло меньше. Они адаптировались к холодам за счет увеличения размеров тела и его общей массы. Благодаря большим размерам, мегантропоиды не имели естественных врагов, поскольку не каждый хищник решался выбрать их в качестве жертвы. Зато сами мегантропоиды, ведя преимущественно плотоядный образ жизни, легко справлялись практически с любым крупным животным. По-видимому, их филогенез протекал в гористой местности, где они удачно использовали для своих засад скальные выступы. Многочасовые пребывания в засадах, в свою очередь, способствовали закреплению вертикальной походки. Использование различных приспособлений для охоты – камней, дубинок – привело к повышению уровня двигательной координации. Прогрессивное развитие прямохождения, способность к изготовлению орудий охоты и совершенствование головного мозга в сочетании с огромными размерами и физической силой сделали мегантропоидов самыми опасными и непобедимыми хищниками своего времени. Однако в этом крылась опасность эволюционного тупика. В конце концов, мегантропоиды стали жертвой собственного совершенства.

Странно, почему это ученые считают легенды о великанах выдумками? Найдите там хоть одно несоответствие эволюционной теории?

Истребив значительную часть крупных животных в ареалах своего обитания, мегантропоиды остались практически полностью без пищи. Не в состоянии – в силу особенности своей анатомии и охотничьей специализации – охотиться на мелких, но более подвижных животных, мегантропоиды сами себя обрекли на голодную смерть. Скудная растительная пища в условиях высокогорья не восполняла потребности в калориях. Кроме того, крупные подвижные существа с развитой мускулатурой постоянно испытывали потребность в животном белке. Переход на равнину, где паслись огромные стада травоядных, ситуацию не исправил, поскольку данная экологическая ниша была занята представителями рода гомо сапиенс, обладавшими более развитой социальной организацией. Разрозненные, плохо организованные группы мегантропоидов в конкуренции явно проигрывали более сплоченным и организованным гомосапиенсам, нередко становясь объектами их охоты. Отдельные стычки между теми и другими продолжались вплоть до исторического времени, что частично отражено в мифах и преданиях различных народов. В конечном итоге численность меганропоидов резко сократилась, а оставшиеся особи значительно дегенерировали из-за скудного рациона. Следы их спорадического существования можно в настоящее время обнаружить в безлюдных уголках Кавказа, Памира и Гималаев.

Такие вот занятные истории. Впрочем, не более занятные, чем рассказы о пресловутой эволюции человека и его братьев меньших. Недаром на Западе некоторые критики дарвинизма назвали учение об эволюции «сказкой для взрослых». Действительно, чем не сказка? Мы бы сказали – академическая сказка. Особый, так сказать, литературный жанр. С ним бы вполне можно было смириться, если бы за такое творчество не присуждались научные степени и звания. А так ничего, даже забавно.

НЕЖДАННОЕ ОБРЕТЕНИЕ КОШМАРА
(ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

В одной газете я прочел: «В современном мире образ, картинка – значат гораздо больше, чем любые доводы разума». Сказано очень хорошо. Если спросить, почему эволюционизм, при всей его нелепости, так прочно осел в общественном сознании, то вывод напрашивается только один – именно потому, что вошел в людское сознание не через логику, а через образы, картинки. Когда вам подносят изображение питекантропа, не объясняя при этом ни законов наследственности, ни основных правил научной методологии, то этот образ просто овладевает вашим воображением и избавиться от него будет непросто. Он входит в ваше сознание помимо, в обход вашего разума. Именно так опытные гипнотизеры делают внушения. Тот же

механизм используется в рекламе, где участие вашего разума не только не требуется, но даже совершенно исключается. По сути дела, люди, со школьной скамьи верящие в эволюцию органического мира, находятся под таким же гипнозом. И, к сожалению, многие из нас не в состоянии дать себе в том отчет.

Не так давно вышел очередной «научный» сериал про эволюцию под названием «Дикий мир будущего». После всяких «прогулок с динозаврами», современные компьютерщики-аниматоры позабавились по полной программе, создав таких монстров, что не снились и Гомеру. Огромные спруты ходят по суше вместо слонов, улитки уподобляются черепахам, птицы устремляются под воду, а рыбы становятся уродливыми зубастыми летунами с выдвижной челюстью. Спилберг просто отдыхает. И все эти кошмарные видения, как выясняется, возникли в воображении **ведущих ученых** из США и Западной Европы. Именно так они представляют будущее нашей планеты – без человека, но зато кишащей чудищами почище лернейской гидры и огнедышащих драконов. Такой вот зигзаг эволюции. Зато все в полном согласии с основными положениями дарвинской теории. Наивному зрителю поясняется, что весь этот футурологический бестиарий якобы основан на строгих расчетах и богатейших познаниях в области геологии и биологии. Такая вот она, «прогрессивная» наука. А плюс ко всему - восторг массовой аудитории!

Вот такая жуткая тварь якобы должна появиться в будущем благодаря всё той же эволюции. И ведь не поспоришь. Как-никак, «наука»!

Честно говоря, меня такой поворот академического сознания в плане осмысления далеких перспектив немного настораживает и даже тревожит. Нет, не в том смысле, что я беспокоюсь за моральное и психическое здоровье «ведущих ученых». Тут уже бессильна даже современная медицина. Просто, вспоминая то, как воображали будущее еще лет тридцать назад, начинаешь понимать, что эволюция делает зигзаги в точном соответствии с настроениями академических наставников и их благодарной аудитории. Грезы о неизбежном золотом веке, похоже, отходят в прошлое. Еще не так давно, в приснопамятные советские годы, модно было рассуждать об эволюции разумных существ, о пресловутой «кефализации», о непрерывном увеличении мозгов, научных достижений и гуманизма.

А теперь нам рисуют всяких монстров, оставив за бортом судьбу человека, этого прославленного «венца эволюции». Ради его родословной когда-то и затевался весь сыр-бор с кистеперыми рыбами и питекантропами. Теперь же, судя по новому сериалу, «венцом эволюции» станет мерзкая летающая рыба с челюстью как у кровожадного убийцы из «Чужих». Дежурные разговоры о всяких там «строгих расчетах» и «богатейших познаниях» лучше отнести к особому «популярно-академическому» жанру. Они - как рекламная заставка. Мол, фирма гарантирует качество. Главное же здесь – картинка, поглощаемая массовой аудиторией. А массовая аудитория жаждет в наши дни кровавых зрелищ и кошмаров. И чем дальше, тем крови и кошмаров больше. Поэтому по законам массовой культуры сказка в наши дни должна быть страшной. Даже если это сказка для взрослых.

Неполный список использованной научно-сказочной литературы

1. *Акимушкин И. И.* Исчезнувший мир / И.И. Акимушкин. – Смоленск: Русич, 1999. – 192 с.
2. *Алексеев В.П.* Становление человечества / П.П. Алексеев. – М.: Политиздат, 1984. – 426 с.
3. *Варшавский А.С.* В начале всех начал / А.С. Варшавский. - М.: «Детская литература», 1977. - 254 с.
4. *Веденов М. Ф.* Борьба Геккеля за материализм в биологии / М. Ф. Веденов.- М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1963. - 224 с.
5. *Вологдин А.Г.* Земля и жизнь / А.Г. Вологдин. - М.: «Недра», 1976. - 239 с.
6. *Гангнус А.А.* Технопарк юрского периода / А.А. Гангнус. - М.: «Вече», 2006. - 480 с.
7. *Геккель Э.* Естественная история миротворения / Э. Геккель. - С-Пб.: Книгоиздательство «Мысль», 1908.
8. *Геккель Э.* Мировые загадки. Монизм и законы природы / Э. Геккель. - М.: ОГИЗ, Государственное антирелигиозное издательство, 1935. - 534 с.
9. *Геккель Э.* Борьба за свободу мысли. Лекции о происхождении человека / Э. Геккель. - С-Пб.: Издание «Вестника Знания» (В.В. Битнера), 1907. - 51 с.
10. *Геккель Э.* Основной биогенетический закон / Э. Геккель. - М. - Л.: Изд-во Акад. н. СССР, 1940. - 291 с.
11. *Гексли Т.Г.* О положении человека в ряду органических существ / Т.Г. Гексли. - С-Пб.: Издание Книжной Торговли Н. Тиблена, 1864. - 180 с.
12. *Гексли Т.Г.* О причинах явлений в органическом мире: шесть чтений, читанных рабочим / Т.Г. Гексли. - С-Пб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. - 146 с.
13. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. - М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1953. - 1040 с.
14. *Дарвин Ч.* Изменение животных и растений в домашнем состоянии / Ч. Дарвин. - М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1941. - 619 с.
15. *Дарвин Э.* Храм природы / Э. Дарвин. - М.-Л.: Изд-во Акад. н. СССР, 1960. - 260 с.
16. *Ламарк Ж-Б.* Избранные произведения в двух томах / Ж-Б. Ламарк.- М.: Изд-во Акад. н. СССР, 1955. - Т. 1. - 968 с.
17. *Неймайр М.* Корни животного царства. Введение в науку о происхождении животных / М. Неймайр. – М., Сабашниковы, 1919. – 300 с.
18. *Саган К.* Драконы Эдема / К. Саган. - М.: «Знание», 1991. - 256 с.
19. *Сафонов В.А.* Ламарк и Дарвин / В.А. Сафонов. - М.: «Молодая гвардия», 1930. - 80 с.
20. *Спенсер Г.* Основные начала / Г. Спенсер. - Киев - С-Пб. - Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Логансона, 1898. - 337 с.
21. *Эттенборо Д.* Жизнь на Земле / Д. Эттенборо. – М.: «Мир», 1984. – 176 с.